

18+

Сергей Пшеничников

Охотничьи рассказы, или Крылатые баксы

Сергей Николаевич Пшеничников

Охотничьи рассказы, или Крылатые баксы

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=51557000

SelfPub; 2020

Аннотация

Охотники знают, время проведённое на охоте, в срок жизни не входит. Читатель, а кто его знает, возможно, что и время, потраченное на чтение книг об охоте, также удлиняет человеку его жизнь? Живи долго, мой читатель, и живи хорошо.

Содержание

Любовь земная	5
Ночной кошмар	12
Рассказ про рассказ	26
Мишутка	40
Волшебная тайга	47
Крылатые баксы	60
Хитрая невеста	115
Волшебная плётка	121
Священная клятва	128

*«Светлой памяти Людмилы Алексеевны Клюкановой –
учителю по образованию и учителю жизни по призванию.»*

Автор

(Описанные в книге события – художественная обработка
реальных, произошедших в 90- 2000 годах)

Любовь земная

«Молодой человек, нельзя же так, извините меня, беспардонно врать. Я не первый год заведую литературной частью альманаха и знаю, что охотники склонны, мягко говоря, к преувеличению, но так не пойдёт».

Бабуля, божий одуванчик, начинает меня учить, как надо правильно писать охотничьи рассказы.

«Скажите, где Вы видели, чтобы дикая птица вылетала из леса и прыгала на тропинке перед идущим охотником? Да у нас тут в городском саду синички такое не делают, голуби наши московские под ногами мельтешат, но человека опасаются. А у Вас – лесная птица, глухарь или кто там, тетерев совершенно не боится человека. Скажите, Вы хоть сами – то в это верите? Да где Вы всё это видели?»

Да где, где? В Караганде! Смотрю я на это божье создание и опять становиться обидно за охотничью отрасль страны. От нехватки денег и запущенности работают там одни энтузиасты. Обычный хороший егерь – явление редкое. На всю страну – один приличный охотничий журнал и охотничий альманах.

Есть такой сборник рассказов: «Охотничьи просторы» и журнал : «Охота и охотничье хозяйство».

Вот и тут, пожалуйста, этой бабушке с её филологическим

образованием и жизненным опытом «Мурзилку» редактировать, а она на охотничьих просторах управляться. Ну, как объяснить ей, что всё именно так и было? Осенним днём шёл я по насыпи бывшей узкоколейки. Зеки здесь своё уже отпахали, лес повалили, кое что вывезли, рельсы разобрали, остальное оставили до лучших времён. Для меня лучшего времени нет – разгар охоты по перу. Глухари на галечники вылетают, тетерева на опушках кормятся, рябчики на пары разбиваются. Шёл я, думал о своём, но ружьё на плече было в готовности. С насыпи сбегала еле видимая тропинка и я побрёл по ней в лес. Иногда до слуха долетал и беспокоил пересвист рябчиков. Неожиданно с ближайшей ёлки спланировала птица. Невдалеке от меня прямо на тропинку приземлился молодой петушок. Я остановился и руки сами собой пришли в движение: правая опустилась и обхватила стволы, ещё миг и в плечо упрётся приклад. Но необычное поведение птицы заинтересовало, и я не стал торопиться с выстрелом. Его безрассудная смелость и не полностью покрытые перьями лапы выдавали молодость. Непоседа воинственно скакал передо мной и резко, как-то угрожающе чирикал. Боже, да ведь это он меня пугает! Вернее всего, совсем недавно он заимел подругу, одну и на всю свою жизнь, короткую или длинную. Конечно, пришлось за неё повоевать, может и не раз подраться. Зато будет теперь верная парочка щедрой осенью пировать, холодной зимой голодать, а тёплой весной любиться.

А сейчас его просто распирает гордость. Нет, не зря его выбрала и полюбила подруга, вон он какой сильный и смелый. Прогнал соперника своим громким голосом, чуть потрепал другого. А тут ещё кто-то по тропинке приближается. Попробую и его прогнать, пусть подруга порадует, что выбрала такого боевого кавалера. Возможно, примерно так соображал молодой петушок, потому что как только я остановился, удивлённый его прытью, он совсем распетушился. Но мне не до сантиментов и его чувств. Я топнул ногой, глупый и отважный рябчик взлетел в сторону леса, но мой

выстрел оборвал его полёт. Ищи, подруга, более разумного и осторожного. Вроде меня. Я вот с медведем не связываюсь, своей жизнью не рискую. Исходя из своего жизненного опыта и опыта общения с животным миром, я вынес твёрдое убеждение, что чувства, подобные людским, испытывают и живые создания.

Глупеют от любви и страсти, отчаянно смелеют от безысходности и разумно хитрят от нужды. У моего любимого писателя Виктора Петровича Астафьева есть рассказ о том, как бригада рабочих, переезжая к новому месту работы, обнаружила гнездо рябчика. И птица сидела на яйцах так плотно, что на глазах у людей пропустила над собой грохочущий, дымный и вонючий трактор! Чего не сделаешь ради будущих своих детей! А вот другой случай. Вечерами я выгуливаю свою охотничью собаку западно-сибирскую лайку «Амбу». Спокойно бродим в темноте по окраинам небольшого городка. Тут тихо, мы никого не беспокоим и нас особо не тревожат. Раз во время такой прогулки собака пропала. Убежать он не мог – нет в этом необходимости, тихо спереть псину, имеющую хорошие размеры и грозный вид тоже не могли, а вот за пустующей бродячей сучкой увязаться он мог. Но, ведь и она не одна будет, сто процентов в окружении кавалеров. А значит – свалка и гвалт обеспечены. А тут пропал пёс бесшумно. Появился он минут через сорок и вид у него слегка виноватый. Я начал выгуливать его в светлое время и в другом месте. А ещё дня через три-четыре в обед, во дво-

ре дома появилась овчарка с ошейником. Пока я обедал, они с «Амбой» дружно раскачали дверь в вольер: каждый со своей стороны, она с воли, он изнутри. И когда я уже уходил на работу, вольер был распахнут и по двору и огороду носилась влюблённая пара. Отзывать собаку было бесполезно.

Как говорят в народе: «Ночная кукушка всегда дневную перекукует». Страсть к продолжению рода затмила послушание. Овчарка прожила у нас трое суток. Пока дали объявление в газету и, пока отозвался и пришёл хозяин. Мы с ним немного поговорили, и он вспомнил как недели полторы назад, вечером у вольера с овчаркой ошивался пёс похожий на моего «Амбу». Случайная встреча двух собак. Как и чем объяснить, что когда пришло время продолжить род собачий, одна из них сбежала из дому, нашла своего избранника, и они хоть и недолго, но счастливо пробыли вместе? Случай третий. «Папа, а почему она так смотрит?» Мы с дочкой навещаем прихворнувшую маму, ожидаем её в холле, пока она к нам спустится. Освещение плохое и у окна стоит пара. Молодые мужчина и женщина. Дочь посмотрела на них и задала мне вопрос. Взглянул туда и я. В народе есть выражение: «В рот смотрит». Обычно так говорят, когда хотят выразить мысль, что один человек ради другого способен на всё, готов выполнить любой каприз, любое желание, любую команду. Так и живёт в ожидании приказа. В постоянной готовности сразу и немедленно его исполнить. Именно в таком состоянии и находилась женщина. Во всей её фигуре, взгляде

и в выражении лица была готовность. Действовать немедленно. Ну, что-же, бывает. Вышла жена. Мы заговорили о своём. Мужчина и женщина распрощались, и женщина пошла в палату. Проходя мимо, она недолго остановилась.

Они поговорить с женой. А чуть позже та рассказала мне её историю. Женщина глухая. Стала такой совсем недавно и как надолго неясно. Осложнение после гриппа. Поэтому читает по губам, поэтому и в рот смотрит – так читать легче. И боится она. Не того боится, что навсегда оглохнет, а того, что муж бросит. Он моложе её, один сын у состоятельных родителей. Взял её в жёны вопреки их воли, да ещё и с маленьким ребёнком. Прежний муж был хороший пьяница, а этот совсем не пьёт, увлекается резьбой по дереву. Я вспомнил лицо мужчины. Пока они стояли рядом, а мы ожидали, мне удалось его рассмотреть. Было в нём что-то необычное. Такие лица на иконах встречаются: продолговатой формы со светлой и курчавой бородкой, длинными волосами. Ясные глаза за стёклами крупных очков. Говорил он редко и тихо. Нет, пожалуй, зря боится женщина. Не для того он против родителей пошёл и свою жизнь с ней связал, чтобы при первом испытании на прочность сломаться. Вот так и будут они идти по жизни – она на него как на икону молиться, а он её любить и беречь, как сможет. Все эти встречи произошли в разное время. А сейчас, когда деньги вытеснили всё чувственное в людях и оставили место одному голому расчёту очень хочется верить, что ещё существует любовь

земная.

Что где-то живёт человек, и он не один такой, способный броситься навстречу грозящей опасности и отважно вызывающий огонь на себя ради своей любви. Как рябчик-петушок.

Что кто-то, случайно встретившись, влюбится так сильно, что будет искать любимого сутками, не смыкая глаз, преодолевая мысленные и немислимые преграды и препятствия. И в конце концов, сумеет его найти, и пусть ненадолго, но восторжествует любовь. Как у той овчарки. Что наконец-то люди вспомнят, что всё начинается с любви и вначале было слово. И только с помощью любви можно построить счастье на земле, то есть достигнуть материального благополучия, мира и уважения в семье и успеха в любых делах. Как та пара.

Ночной кошмар

Обед Андрею испортила соседка. Она появилась сразу после наваристого борща, вместо ожидаемых котлет и пюре. Жены в это время не было дома, и он чуть растерялся, а затем принял единственно правильное решение – терпеливо и молча слушать. Он слушал, молчал и мечтал о котлете, не огрызался и не поддавался на провокации. И именно из-за его спокойствия, скандала не получилось. Соседка выговорилась и раздосадованная именно тем, что не удалось вволю поорать, ушла с видом обиженного победителя. Времени до конца обеда оставалось совсем мало, и он налёг на пюре и котлеты. Жена готовила отменно, отсутствием аппетита он не страдал и сорвать приём пищи не смогли бы и тридцать три такие соседки. Хотя баба, конечно, права. Его подсадная утка часов примерно с пяти утра начинала от страсти разрываться на части. Семья тоже жаловалась на ранние пробуждения, но пока терпели.

Соседка терпеть не стала и пошла в атаку аккуратно в обед. Весь остаток рабочего дня Андрей прикидывал, как быть, что делать с подсадной?

Её тоже можно понять – всю зиму дружно прожили втроем: она, подруга и селезень и вот пришло время любви, пришла весна и пропали подруга и селезень. Тут от ревности и страсти волком взвоешь, а не просто крякать будешь.

Уже в конце рабочего дня Андрей сделал то, чего совершенно не хотел.

Он сходил к начальнику и отпрашивался с работы с пятницы. Простая мысль о том, что соседка может просто сыпануть отравленного зерна его «Матильде», заставила действовать совсем не так, как он планировал.

И уже в тот же день вечером он переправлялся на пароме на другой берег водохранилища. Общеизвестно, что само ожидание и подготовка к празднику вызывают у нормально-го человека радостных эмоций не меньше, чем сам праздник. Андрей любил, когда дети собирали его на охоту. Они вместе комплектовали вещмешок, наперебой выкрикивая и отыскивая необходимые вещи, осторожно трогали разобранное ружьё, готовили к путешествию в корзинке утку. Расправляли ей перья и уговаривали: «Потерпи немного, Матильда».

В этот раз сборы были быстрыми и скомканными, и радости не было. Он как мог объяснил, что Матильду надо срочно спасать.

Иначе нормальные соседи просто свернут ей шею за её утренние вопли.

Она съездит на свидание к диким хлопцам-селезням, успокоится и будет во дворе по утрам тихо и спокойно.

Дорога до места охоты проста и непродолжительна. На пароме на другой берег реки Волги, затем минут двадцать на автобусе до деревни, там к егерю дяде Васе на ночлег. А от него уже лучше рано-раненько, ещё затемно – в зна-

комый заливчик. На рекогносцировку Андрей уже ездил заранее и всё вроде с егерем обсудил. Была тут одна заковырка: собака. По закону лайку на такую охоту брать нельзя – борьба с браконьерством, хоть она и по утке работает и даже дипломы такие есть. Но они с егерем друг друга знали не первый год, и Андрей каждый раз приезжал заранее и всё это обговаривал. Мало ли что, могли ведь и егеря проверить, а тут он на участке с собакой. В таком случае оставил бы пса у него в деревне.

У восточных народов есть поговорка: «Если человеку не везёт, то собака укусит его даже сидящим на верблюде». Автобус к парому не подошёл, привычный к неудобствам деревенский люд тронулся пешком, Андрей стал лихорадочно соображать, как быть: возвращаться домой или плестись в наступающей темноте по грязной дороге? Капитан судна и моторист воплями ускорили решение вопроса, и он обречённо шагнул с парома.

Всё пошло наперекосяк, плохой получился экспромт кто его заберёт, да ещё и с собакой? Предстоял марш-бросок до деревни по темноте и по грязи. Он спустил собаку и отрёшённо зашагал.

Примерно через час ходьбы начал прикидывать: а может не стоит в деревню, может сразу в знакомый заливчик? Там на берегу есть у него вигвам из подручного материала и дров немного – до утра продержится. Заплутать не должен, сзади дорога, спереди – река. А самый лучший ориентир – крас-

ные огни на трубах электростанции, видимые практически отовсюду. Основная трудность – часть пути придётся идти по ночному лесу. Но фонарик должен помочь. Торопиться особо некуда, не спеша должен добраться. И Андрей себя уговорил. Всё шло хорошо, было ясно, просто и понятно: он пёр по ночному лесу, изредка подсвечивая себе фонариком и ориентируясь на вертикальные красные огни. Путь был хоть и трудноват, но незатейлив и конкретен, и Андрей уже начал планировать, как доберётся до вигвама, соорудит костёр и вскоре будет отдыхать. Но та самая собака из пословицы опять его укусила. Его пёс сначала болтался рядом, изредка выплывая в свет фонаря, а затем пропал. А ещё через какое-то время стал слышен лай собаки. Пёс работал и работал в ночном лесу по зверю. Андрей устроил себе перерыв и стал слушать. Амба был зверовой кобель и имел дипломы по медведю, кабану и утке. Он был рослой, крепко сбитой собакой, но в реальной жизни, на охоте, использовался в основном на мелкого пушного зверя и по утке. Тяготел хозяин к охоте в одиночестве.

И по этой причине ещё ни одного кабана из – под собаки не было добыто.

А про медведя и мечтать нечего. Но молодой кобель любил погонять диких свинок, и с этим приходилось мириться. Рано или поздно, но он бросал бесполезную погоню и подходил к хозяину. Андрей обычно терпеливо ждал, иногда чаёвничал. Со временем пёс должен был бросить напрасную

беготню, обязан повзрослеть и поумнеть. А пока Андрей отдыхал и слушал, как тот геройствовал на войне с кабанами. Самое неприятное в этой войне то, что её отголоски здорово раздавались по всему вечернему пространству. И могли дойти до слуха егеря. Настоящий егерь-хозяин на своей территории и лающая поздно вечером в глухом лесу собака обязательно вызовет у него беспокойство, а возможно, и желание проверить, кто и что творит на его участке. А Андрею совсем не хотелось объясняться и оправдываться перед дядей Васей. Лай раздавался практически в одном месте. Вернее всего, вязкая собака прихватила и крутит молодого и ослабленного зимовкой подсвинка. Здоровый и шустрый давно бы удрал, а у этого просто не хватает сил на хороший рывок. Опасаясь, что пёс начнёт давить поросёнка и что это может совсем плохо кончиться, Андрей совершил ужасную ошибку. Он оставил на полянке всю амуницию, корзинку с уткой и с одним фонариком двинулся на зов. Прошёл он вроде совсем немного, начал играть светом, кабанчик пошёл в отрыв, а почуявший поддержку пёс – за ним. Андрей стал возвращаться назад и не смог найти свои вещи. А через некоторое время, по ночному лесу, мерзко матерясь, шарился совершенно несчастный, злой человек. Измучившись и разрядившись словесно, он прислонился к дереву и стал соображать. Огни на трубах электростанции ясно видны в ночном небе, направление он знает, надо просто походить на параллелях и вещи найдутся! Так он и начал ходить, а через неко-

торое время появился мокрый по брюхо пёс, затем нашлась и небольшая полянка с вещами. Андрей не стал отдыхать, он заставил себя добраться до берега залива, а уже от него немного вглубь леса – и вот он, шалаш. Он хочет и будет скоро отдыхать: надо развести костёр, раздеть две небольшие ёлочки и соорудить себе колкое и пружинящее ложе, приволочь сушину и разделить её на три части. Одну стену шалаша пришлось разобрать, зато другая стала экраном, теперь на две сушины насыпать угли из костра и сверху – третью. Всё, можно отдыхать. Намаявшийся и согревшийся теплом костра он быстро и крепко уснул. Хорошо проспав часа два – два с половиной, Андрей проснулся от утинового криканья. Была глухая и тёмная ночь, примерно её середина, ровно гудел костёр, сложенные сухостоины прогорели наполовину, их малиновые середины излучали красный свет и устойчивый жар. Томящаяся в неволе корзины Матильда, почувствовала это тепло и этот устойчивый свет и ожила. Пришлось укутывать корзинку и шутливо объяснять утке, что это вовсе не солнышко встаёт, а так здорово разгорелся костёр.

И хоть в корзине стало темно, «Матильда» не смогла с этим смириться, и в ночной тиши ещё долго протестующе выводила своё «кря-кря-кря-кря». Под эти протесты Андрей и уснул.

Верней, это была просто беспокойная дрёма, поэтому, когда забеспокоилась собака, он уже нормально соображал. Пёс сначала несколько раз приподнимался и прислушивался в тишину ночи, затем встал, чем окончательно встревожил хозяина, и твёрдо уставив взгляд в одном направлении, весь напрягся.

Когда в его горле стали глухо перекатываться, изредка сталкиваясь, крепкие булыжники, Андрей также привстал на одной руке и посмотрел в темноту.

Почувствовав поддержку хозяина, «Амба» оглянулся,

чуть шагнул вперёд, секунду помедлил и уже громче и по-настоящему рыча, рванул вперёд. Андрей сообразил, что это всё же пришёл беспокойный егерь и успел ухватиться за ошейник.

«Дядя Вася, это я, – Андрей заорал в темноту, – ночью здесь, так получилось!» Но никто ему не ответил, только в темноте что-то глухо стукнуло.

Продолжая держать собаку за ошейник, он встал на колени и добавил: «Эй, кто там? Если человек – отвечай или собаку спущу!» Ответа не было, Андрей взглянул на собаку – пёс явно кого-то учуял, смело тянул вперёд, рвался в бой. Молодой кобель был здоров и силён, умел и любил подраться.

Ему пока везло – на выставке в Солнечногорске, когда хозяин откровенно зевнул, тот устроил грандиозную групповую собачью драку, на сорок минут задержав открытие выставки и вызвал массу нареканий её устроителей и тихую гордость у хозяина. Страх и сомнения этому псу пока были неведомы. Стало немного тревожно и, желая прогнать все сомнения, Андрей спустил собаку: «Взять его, Амба, взять!» Пёс с лаем ушёл в темноту. Затем всё стихло, но это была напряжённая тишина, и она длилась недолго. Опять раздался громкий лай, а затем сразу послышались звуки схватки. В темноте началась яростная драка.

А за мгновение до этого, Андрей услышал странное и громкое мяуканье. Он опешил, потому что это было не ко-

шачье мяуканье, хоть и лесного, но кота, нет, оно было немного басовитей и грознее. Было слышно, как хрустели и трещали ветки под сцепившимися телами. Вдруг собака взвизгнула. И этот крик собачьей боли заставил действовать. Мысли путались: «Надо бы и фонарик прихватить.» Человек схватил разобранный ружьё, затем бросил его, выхватил из ножен номерной нож и побежал на помощь. «И что это за грозный зверюга появился в подмосковном лесу?»

Собака опять взвизгнула и сообразив, что надо как-то пса поддержать, хозяин заорал: «Взять его, Амба, взять, взять!» Этот громкий человеческий крик подвёл итог ночной схватки.

Стало тихо. Андрей пробежал по инерции немного и остановился. Было совершенно тихо, будто мгновенье назад не бушевали страсти. Он шагнул раз-два и остановился. Впереди был плохо различимый в темноте разросшийся куст. Где-то здесь всё и происходило. Прислушался. Было слышно чьё-то дыхание, кто-то часто и громко хекал. Андрей позвал собаку, но пёс к нему не двинулся. Он позвал снова, громче и строже, дал команду: «Ко мне!». Но тот за кустом продолжал дышать и не двигался. Андрей растерялся. Он мчался сюда, готовясь действовать, принимать активное участие, рисковать. И вдруг – напряжённая тишина и загадочная неопределённость. Как быть, что теперь делать?

Его верный и всегда послушный пёс к нему не пошёл, куда-то пропал, а кто-то за кустом чего-то выжидает.

Человек оцепенел и с каждой секундой ожидания в сознании происходили перемены. Непонятное всегда порождает неуверенность, затем следует осторожный страх и панический ужас. Андрей чувствовал только одно – за кустом какое-то существо разделалось с его собакой и теперь стережёт его. Оно терпеливо ждёт, когда он выдаст себя движением и бросится его убивать, будет безжалостно когтями и зубами рвать и кромсать его тело. И это существо – не рысь, та бы давно убежала или бросилась.

Это безжалостное существо вообще не дикое животное, неспособно дикое животное так терпеливо ждать в нескольких шагах от человека. Но кто это? Вместо ответа родился страх, он нарастал снежной лавиной и в конце концов лишил сознание способности разумно мыслить. и анализировать, смял волю. Впервые такой всё охватывающий и везде проникающий ужас реальной смертельной опасности охватил Андрея. Тело стало лёгким и пустым, внутри него гулко и с трудом билось сердце, выступил пот, начали дрожать колени. Стало тяжело дышать, не хватало воздуха, из-за боязни выдать себя не было сил вздохнуть полной грудью. Стоя на ватных ногах и уже впадая в полуобморочное состояние, плохо понимая, где он и что с ним, ускользящим хвостиком разума он слышал вдалеке на реке утиное кряканье.

Такие знакомые звуки вернули инстинкт охотника, а с ним и способность слышать и видеть, чувствовать и оце-

нивать ситуацию. Ещё несколько мгновений Андрей приходил в себя, возвращая власть над телом. В сереющей темноте зарождающего холодного и сырого рассвета, он всё отчётливее стал слышать, что где-то кричит утка, и это не его «Матильда», а вернее всего дикая – на реке!

Вернулась память, он окончательно осознал, где он и как здесь оказался и чего ждёт. А не надо ждать? Вот в правой руке чувствуется рукоятка ножа. А в голове ясно проявилось, что там, за кустом, не может быть ничего враждебного. Это враждебное давно бы само первым бросилось.

Пока ещё нетвёрдой походкой Андрей пошёл за куст. Страх не было. За кустом стоял и громко и учащённо дышал его «Амба», а перед ним на земле просматривались контуры тела небольшого животного. Пёс стоял в напряжённом ожидании. Он готов был немедленно отреагировать на малейшее движение противника. Но движения не было. Андрей чуть обошёл по кривой и оказался сзади этого существа, со стороны спины. Чуть приседая, он стал подходить, подпружинив ноги и выставив вперёд полукругом руки, левую совершенно пустую, а правую с ножом. Животное лежало на боку и не шевелилось. Это оказалась рысь, но вся какая-то маленькая и совершенно нестрашная. Секунду помедлив, Андрей прицелился взглядом, а затем ударил ножом в её горло. Нож вошёл хорошо, по самую рукоятку, но ничего не произошло. Рысь была мертва. Много позже, уже настоящим поздним утром пришёл к Андрею егерь дядя Вася. Не пе-

ребивая, выслушал сбивчивый рассказ о ночном происшествии, не стал отвечать на вопросы, а присел рассматривать убитую рысь. Потряс её за правую лапу – на ней прочно держался лисий капкан. Андрей, чувствуя себя почему-то виноватым, стал повторять, уточняя мелкие подробности и перекакивая с одних моментов на другие. Всё это было похоже на оправдывание, и он начал злиться.

«Да ты что, дядя Вася, не веришь мне, что ли? Думаешь грохнул я её в чужом капкане и себе прибрать решил? Да не делал я такого!

Вон смотри – кобель мой весь подранный стоит».

«Да нет, почему не верю – верю. собаке твоей повезло, получил он лишь капканом по морде, а воюй она при всех четырёх – могла бы и кишки ему выпустить». И дальше он разъяснил Андрею, что рысь пришла из района заповедника. Пришла уже по весне и с капканом на правой лапе. Зверь

молодой, влетел в капкан, а опыта мало – вот и мучается. Нормально охотиться не может, приспособилась у деревень промышлять. «Я долго понять не мог, как она стёкла в курятниках выбивала, со следами плохо, снега почти нет, слякоть весенняя. Меня председатель сельсовета задолбал за её разбои по деревням. Взять её трудно, зверь редкий и мои собаки её не знают, кругом сырость, с запахами плохо, со следами тоже – не знал, как и быть.

А она собак понимает, по дворам ходила под самым их носом – почти все на цепи. И к тебе пришла на лай собачий да на крик утиный. Наши деревенские тоже уток и гусей держат. Кобелю повезло. Мелковата она, потому как самочка и может последыш – последним котёнком в гнезде была. Да и зима тяжёлая – голодала много, вот костяк и ослаб. А тут такой сытый бугай навалился, удачно он ей шею свернул. Повезло». Они поговорили ещё о разных случаях на охоте и вообще в жизни.

Прошло уже немало лет, но Андрей навсегда запомнил тот случай по ночному страху. Ведь что интересно – и до этого и после этого ночного кошмара бывало всякое. Но такой всепроникающий ужас он испытывал только единственный раз.

Просто чаще всего ситуация развивается скоротечно, в динамике и не успеваешь испугаться. А стоит столкнуться с чем-то необъяснимым, начнёшь лезть в дебри логики, поддашься минутной слабости и вот тебе – ночной кошмар. Аж стыдно вспомнить потом!

Рассказ про рассказ

«Вот именно здесь они его и терзали, а сынок, значит, наверху, на крыше был.

Успел его папаша туда затолкать, а сам им на харч пошёл», – шофёр махнул головой в сторону автобусной остановки. Андрей с интересом взглянул туда же. На скорости из движущейся машины многое он не успел рассмотреть. Так, обычная загородная остановка.

Для защиты пассажиров от ненастья на ней сооружена будка не будка, а именно сооружение – три стены и крыша, под ней стоит обычно скамейка, недолго правда стоит. Таких остановок по всей стране – море. Вот на одной из них зимним вечером ждали автобус отец и сын. Ждали автобус, а в темноте подошли волки. Отец успел сына на крышу подсадить, а его самого волки разорвали. Особых подробностей водитель не знал, но Андрей ему верил, так как историю эту слышал уже не раз.

Пока он добирался на попутной машине до Сильвы, они ещё о многом поболтали с шофёром.

Андрей всё больше нажимал на природу и охоту: долгих три года предстояло ему дослуживать до пенсии уже во внутренних войсках вблизи этого таёжного посёлка.

В самой Сильве, стоящей на берегу одноимённой реки, встретили нормально: дали хорошую должность, жильё, вре-

мя и возможность обустроиться.

Дом был крепкий, бревенчатый и состоял из двух половинок. С торца вход и живёт одна семья, с другого торца вход и другая семья. Во дворе – сарай, баня, дровник и даже собачья конура с цепью и пустым ошейником. «А самого Бобика недавно с цепи волки сняли», – пояснила словоохотливая соседка. Новость эта лишила на некоторое время Андрея дара речи.

Он только слушал и хлопал глазами, пока она несла разное про жизнь в Сильве. Ещё через некоторое время, когда Андрей уже обжился и начал привыкать к особенностям местной жизни, волки задрали «жулика».

«Жулик» – это осуждённый поселенец, на местном диалекте. Две трети своего срока он проводит, как правило, за решёткой, а на оставшуюся треть его переводят в колонию – поселение. Там больше свободы, даже семья может приехать к нему жить. Вот такой «жулик» понёс в тайгу, на лесоповал, отремонтированный топливный насос для трелёвочного трактора и нарвался на волков. Андрею самому пришлось принимать участие в розыске пропавшего поселенца, и ему показали остатки одежды и этот топливный насос. На нём даже шерсть была, видимо этим агрегатом человек отбивался от зверей, жить очень хотел. И все эти подробности, эти детали и сама эта такая простая смерть так поразили Андрея, что он за один вечер в школьной тетрадке написал рассказ. Получилось немного коряво и слишком

эмоционально. «Зато правда», – сказал он жене в ответ на её критику. В следующие две недели ему предстояло побывать в краевом центре, и он надеялся пристроить рассказ в местный литературный журнал.

Редактор того журнала оказался именно таким, как его и представлял себе Андрей.

Примерно его возраста, в очках, с козлиной бородкой и длинными волосами. Его манеры сразу же не понравились Андрею: манеры редактора – как выходки лиц нетрадиционной сексуальной ориентации. Чутьё не подвело автора. Ему прочитали лекцию о литературе вообще и его вкусе в частности. В конце концов, немного поспорив, они сошлись на том, что редактор ему просто не поверил: в наше время, когда люди на Марс собрались, разве такое возможно?

И если Андрею так хочется писать и уж если ему выпала такая возможность работать в системе бывшего «ГУЛАГа», то пусть он напишет что-либо в духе воспоминаний о сталинских репрессиях. Вероятно, есть в посёлке люди, которые служили в те годы. Будет очень интересно воспоминание не репрессированного лица, а человека, так сказать с другой стороны баррикады. «Самое главное, – заключил редактор, – это будет очень актуально».

Потом он взглянул на Андрея, помолчал и добавил: «То есть, злободневно, проще сказать».

Уже на пороге редакции Андрей понял, что редактор просто решил, что автор не понимает значение слова «актуаль-

но».

Что, мол, с него взять – серость, офицер внутренних войск это тебе не офицер царской армии со знанием французского и светскими манерами. Поняв это, Андрей обиделся и решил непременно добиться, чтобы рассказ напечатали. И в следующий свой приезд в краевой центр показал в придачу к рассказу свидетельство о смерти и об отказе в возбуждении уголовного дела по факту побега поселенца. «Да, любопытный документ, я подумаю», – пообещал редактор. Ещё через неделю Андрею пришлось испытать всю горечь и обиду поражения. «Поймите, мой дорогой, – редактор мило и мягко, слащаво улыбнулся. Ваш рассказ не представляет литературной ценности. Он слаб в художественном смысле, это скорее школьное сочинение. И написан простым, казённым, я бы даже сказал, казарменным языком.

Отредактировать его просто невозможно, проще переписать его другими словами, по-новому и, вероятно, другому автору. Поймите это, дорогой».

Андрей понял. Он вспомнил, чего ему стоило достать копии документов о смерти и отказе. Конечно, редактор был человек тёртый и слышал многое в своём кабинете, эмоции обиженных авторов часто бывали на грани приличного.

Вероятно, он не очень бы удивился, если бы Андрей заругался или вообще повёл себя некультурно. Но Андрей тоже сказал просто: «Ладно, дорогой, от тюрьмы и от сумы, как известно, не зарекайся. Попадёшь к нам, я тебе устрою ста-

линские репрессии.

Материалов для воспоминаний хватит, будешь мемуары писать, если сможешь. И самое главное, будет очень актуально и высокохудожественно». И ушёл. Впереди был отпуск и недолгая остановка в Москве, у сестры.

В столице Андрей нашёл редакцию охотничьего журнала и долго стоял у входа, не мог решиться. Затем зашёл. Там обошлись с ним получше, чем в крае. Он сумел поговорить с ответственным по литературной части. Тот его не критиковал и даже не стал смотреть справки о съедении. Но печатать рассказ не взял. Объяснив: «Напишите о своём, о том, что произошло конкретно с вами.

И пусть это будет не воспоминание о событии, а само событие. Я думаю, это мы напечатаем».

Андрей отгулял отпуск и забыл о своём рассказе. Почти на год. Зимой ему пришлось побывать в тайге на лесоповале.

Приехали они группой, но свою часть работы он завершил быстро и уже через сутки решал, как теперь быть? Можно было ждать всех. А можно было дожидаться лесовоза и долго ехать. Или рвануть пешком по старому заброшенному зимнику. Так было намного быстрее и проще.

Утро было хорошее. Зимнее, с начинающим крепчать морозцем, синим небом и слепящее белым снегом. И он пошёл пешком.

Старая лесовозная дорога была не такая уж и старая, а самое главное – она была запасным вариантом и её иногда чи-

стили грейдером.

Шагалось легко. Андрей шёл и вспоминал как удачно и ловко он сработал на лесоповале, представлял, как доберётся до Сильвы и так неожиданно ввалится в дом к жене, ввалится очень усталый; голодный и совсем продрогший в тёплую и сытую хату. Так размеренно шёл он, мечтая о своём. Впереди был небольшой подъём и поворот. Мороз крепчал, и снег стал поскрипывать под валенками с галошами. Андрей шагал, изредка приглядываясь к обочине, там иногда встречались следы ночной лесной жизни. Зайцы интенсивно эксплуатировали ровную площадь дороги и изредка её пересекали белки. Так понимал следы Андрей, он уже поднялся наполовину по склону и взглянул вперёд на открывшуюся часть трассы.

Там впереди стояли волки. То, что это были именно волки, он понял сразу. Они были именно такими, как должны быть волки зимой: серые с тёмными спинами и с хорошей пушистой шерстью.

Они стояли и смотрели на него, все пятеро. Конечно, звери давно слышали скрип его шагов, конечно, и увидели его раньше, чем он их. А теперь просто стояли и смотрели на него. Ждали. Андрей сделал по инерции два шага и тоже встал. Он ещё не успел ни испугаться, ни удивиться. Остановился и весь мир сразу мгновенно сузился до места встречи.

Пропали прочь посторонние звуки, уплыли из поля зрения ненужные предметы: деревья, облака, солнце. Осталась

и выросла, заняв весь обзор, только одна эта пятёрка. Наступила тишина.

Андрей оцепенел и не двигался. Откуда-то сверху сыпал снег. Напряжение почти достигло максимума. Обе стороны молча стояли и ожидали. Андрей физически стал ощу-

щать это напряжение – воздух стал плотным и вязким, стало тяжело дышать, тишина громадным прессом давила через уши на мозг. Он ясно видел, что волки чего-то ждут, они внимательно и напряжённо всматривались в него и ожидают. Напряжение достигло максимума. Дальше уже ждать было физически невозможно: так напряглись слух, зрение и воля в этой молчаливой борьбе.

Неожиданно крайний слева зверь громко зевнул. Он зевнул и в конце своего зева чуть взвизгнул. Вероятно, это был самый молодой или самый трусливый волк и взвизгнул он совсем как щенок.

И тут же стоящий рядом зверь сел, сел совсем как собака – поджав задние лапы и оставив прямые передние. События эти немного разрядили обстановку, вернув Андрею способность слышать, видеть и думать. Он мгновенно оценил ситуацию. Бежать – бесполезно и бессмысленно. Во-первых, некуда. Во-вторых, они только этого и ждут, сразу рванут в погоню. В-третьих, даже если он и сможет добежать до дерева, то в бушлате, ватных штанах и валенках на него не залезет. Он понял, что эти волки раньше вот так не встречались с человеком. Они оценивают его, стараясь понять – в чём тут опасность. Инстинкт им подсказывает, что человека надо бояться, но саму опасность они не видят – нет ни рогов, ни копыт, ни зубов. Понимая, что необходимо брать инициативу в свои руки, показать им, кто контролирует ситуацию, Андрей решил грозно взмахнуть рукой и крикнуть.

Взмахнуть рукой он сумел, а вот заорать нет. Просто он не успел сообразить, что именно надо прокричать и в последний момент выдохнул: «Ну, вы...» и замолк. Рука так и застыла вверх.

Именно в этот момент вожак чуть приподнял верхнюю губу так, что стали видны ослепительно белые зубы, сморщил морду и, чуть приоткрыв пасть, зарычал.

Вначале звук был негромкий, но затем всё его напряжённое тело как-то мгновенно опустело и расширилось, превратившись в живой резонатор и глухое рычание закончилось басовитым, грозным, мощным и пугающим рёвом.

Андрей успел увидеть, как в пасти волка от верхнего к нижнему клыку протянулась тоненькая ниточка слюны, она чуть повибрировала в такт звуку и затем лопнула. И человек сразу и мгновенно испугался. Страх был и до этого, но он был какой-то ненастоящий, он был основан на ситуации, на интересе – какие они, эти вольные волки, как они себя ведут, а как он сам себя поведёт и выберется из этого переплёта? Теперь был уже другой страх, страх, основанный на реальности жуткой перспективы – да они его сейчас сожрут! Скорее это был уже животный ужас жертвы перед палачом.

Вожак прекрасно разобрался в ситуации: человек хотел их напугать, а он сам сумел испугать человека. И этот испуг человека мгновенно поняла вся стая. Они просто до этого не встречали человека так близко. Опыт предков предосте-

регал о возможной опасности, но они уже видели объект атаки - испуганное двуногое существо с характерным поведением и запахом страха. Вот сейчас вожак первым пойдёт в атаку и завалит на снег очередную жертву, как бывало уже не раз с лосями, телятами и прочей живностью.

А они навалятся позже и окончательно добьют жертву.

Вожак был коренастый, крепкий, плотный телом. Совершенно безбоязненно смотрел в глаза человеку. И взгляд свой не отводил. Он весь был какой-то смелый, уверенный в себе, нахраписто-наглый. Типичный «дембель» в солдатской среде.

Андрею стало совсем плохо, рука стремительно свалилась вниз с высоты взмаха и безвольно повисла вдоль тела, касаясь бушлата.

У всех азиатов есть хорошая черта. Стоит одному неплохо устроиться, и он начинает усиленно стягивать к себе родню и друзей. Не успеешь оглянуться – уже образовалось землячество из узбеков или таджиков, киргизов или армян, и тому подобных. Вместе с Андреем служил курд. Вначале он был один, затем появился его брат, на подъезде был ещё один. На лесоповале Андрей встретился с одним из братьев и тот передал для другого брата одну маленькую штучку. Она была небольшая, но могла вытянуть на большой срок. Братья начали заниматься коммерцией, время было смутное и они сумели переделать обычный газовый пистолет в боевой, под мелкокалиберный патрон. Брат в лесу довёл его до ума, при-

стрелял и с помощью Андрея, хотел передать другому брату, для уверенности в коммерческих расчётах. Андрей взял пистолет, без всякого сомнения, и даже с чувством идиотской радости в душе.

Понимая, что ему доверяют, в него верят, как в порядочного человека, в своего парня. Он пообещал всё передать и сунул чёрную штуковину в карман бушлата. Сунул и забыл. Забыл именно до момента прихода в посёлок. Там бы память сработала, и всё прошло как надо.

А сейчас ватная рука, свалившаяся, казалось, с небесной высоты, почувствовала в кармане бушлата что-то и мгновенно вспомнила, что такое это «что-то». И уже стала наливать-ся силой и желанием лезть в карман.

Одновременно с падением руки на Андрея пошёл вожак. Зверь весь как-то подобрался, подпружинил лапы, приоткрыл пасть, чуть прижал уши и начал разбег для прыжка. Мягкими стелющимися шагами, твёрдо уставившись в глаза человеку, он шёл, ускоряя свой ход. Уже в середине пути зверь почувствовал, что-то произошло. В глазах его противника мелькнул странный блеск, пропал страх, и появилась радость и уверенность. Вся фигура жертвы, за секунду до этого проблеска безнадёжно ожидающая своей участи, теперь излучала спокойную и разумную смелость. Расстояние сократилось, пора было делать последний, всё решавший рывок. И в это мгновение в протянутой навстречу его бегу руке что-то негромко щёлкнуло, он почувствовал

крепкий удар по теменной кости и боль от сорванной меж ушей кожи. От неожиданной боли, он взвизгнул и прыгнул, но не вперёд и вверх, а вперёд и максимально в сторону. Тело само знало, как надо убежать, куда прыгать и нестись. Сзади раздавались щелчки и человеческий крик.

Что-то ещё раз больно рвануло его за правое ухо, заставив ускорить бег. В партийной характеристике на Андрея указывалось как недостаток – его излишняя эмоциональность и склонность к нецензурной брани. Стеляя вслед вожаку, он орал голосом бывшего ротного во всю мощь своих лёгких.

В выражениях он не стеснялся, пережитый страх и позор унижения вылетели вместе с матом.

Закончились патроны, закончились такие привычные слова и словосочетания. Но желая продолжения своего торжества, человек сорвал с руки меховую перчатку, вставил в рот пальцы, кончики мизинца и указательного сошлись сами собой, привычно легли на подогнутый язык и громкий, и пронзительный, прогоняющий все страхи и утверждающий его окончательную победу хулиганистый свист раздался в глубине лесной чащи.

Почти через год Андрей опять собирался в отпуск. И, планируя заехать в столицу, он опять написал рассказ.

О том, как вначале писал о чужой встрече с волками, а его не хотели печатать, советовали писать о своём личном, своём пережитом. И как он сам встретил волков и написал про это. Получился рассказ про рассказ.

Уже в вагоне Андрей решил, что и эту его писанину не будут печатать. Что там интересного – вот если бы его погрызли, но окончательно не съели, было бы интересно. А так – рассказ про рассказ.

Мишутка

В конце августа 200... года по Москве болтался совершенно очумевший от везения человек.

И хоть столица своими высокими ценами, ненавязчивым сервисом и хамством коренных жителей систематически пыталась сбить с него эту радостную спесь, надолго ей это не удавалось. Отменить основную причину быть счастливым она не могла. Вообще-то причин было три. Первая: счастливчик Андрей восстановил связи с двумя одноклассниками и как типичный провинциал откровенно и искренно порадовался их успехам в бизнесе и остальной жизни соответственно. И такая его нетипичная реакция окончательно растопила лёд их осторожного недоверия. Хорошие, дружеские отношения были установлены, несмотря на разницу в материальном достатке. Во-вторых, он помирился с сестрой.

Три года они даже не переписывались. Дурь прошла, и всё вернулось в нормальное русло. В-третьих, Андрей наконец-то вырвался на охоту в тайгу. И остановка в Москве – это просто пересадка в пути. Пути на северный Урал. Во время этой остановки ему привалил фарт: в редакции пообещали напечатать некоторые рассказы.

В охотмагазине взяли на реализацию кое-что из трофеев, а в таксодермической мастерской пообещали взять шкуру ещё пока не добытого медведя.

Но Андрей был тёртый жизнью жук и твёрдо знал, что за светлой идёт тёмная полоса, поэтому надо решительно брать ноги в руки и быстро сматывать из жутко дорогой и негостеприимной столицы.

В конце сентября уже по тайге болтался совершенно усталый и измотанный человек. Он полностью насытился жизнью в тайге, сплыла острота ощущений и чувство новизны. Пришли усталость и желание вернуться в семью. Можно было уезжать, но не было обещанной медвежьей шкуры. Знакомый охотник Павел, у которого гостевал Андрей, три дня как уехал навестить дочь студентку в Пермь, ничего не пообещав. Он собрал таёжных гостинцев: варенье из морошки, клюкву с сахаром и прочее, доверил Андрею собаку «Пальму» сказав: «Ружье увидит и пойдёт за тобой в тайгу. – и добавил: Решай сам. Хочешь – жди, будем пробовать добыть медведя. А хочешь – уезжай». Андрей решил подождать, Павел должен на днях вернуться. Всеобщее потепление коснулось и этих северных краёв. И пока они на лодке спускались вниз по реке, Павел вслух вспоминал.

В былые года в сентябре снег уже прочно ложился, а сейчас по реке плывут как летом. Так в беседах о погоде и природе добрались до таёжной избушки.

И там уже после ужина Павел стал инструктировать. Просто и ясно, без выпендривания объяснил, что холодов, считай, не было, толковый медведь сейчас в раздумье. Он жир уже нагулял, место для берлоги присмотрел – вот-вот заля-

жет. Поэтому держится в одном районе и покидать его без особой нужды не будет. И собаки должны хорошо его держать. Это если он местный, а коли проходной, тогда, возможно придётся побегать до коликов в боку.

Вместе со знакомой по прежним охотам «Пальмой» был ещё кобель «Яшка». На него Павел возлагал особые надежды, хотя внешне тот особым героем не смотрелся – был рыж, неладно скроен, лохмат и напоминал скорее орангутанга с хвостом, а не зверовую собаку. Про себя Андрей назвал его Чубайсом. Но ясно было, что дармоедов Павел бы не держал и не всегда внешний вид определяет внутреннее содержание. «Ты будешь меня страховать. Я всё сделаю сам.

Собаки найдут, остановят и будут держать до нашего подхода. Подходить надо быстро и осторожно, без лишнего шума. Стрелять буду я. Ты – только после меня, только по моей команде и только в крайнем случае. Вот такая примерно схема. Пойми главное сам медведь, его шкура и мясо собак не заменит. Не добудем зверя: не беда, а мне собак постреляешь – это горе!»

Так закончил инструктаж.

Медведя они, вероятно, встретили проходного или очень хитрого, или умного, но надолго остановить его собаки не могли.

Мужики набегались до кликов в боку, и Павел заявил «Вернее всего, он жмёт к реке. Ты давай так, чтобы солнце было сзади и выйдешь на старую насыпь. По ней влево

до моста, ну не мост, а его остатки, да поймёшь!

От него вниз по реке метров двадцать и поворот. Там вначале отмель, он может туда, там переход. И в любом случае жди у моста. Сутки, двое, трое – сколько надо, столько и жди, тебя найдут.

Мы с мужиками там встречаемся, если здесь охотимся, такой договор. А начнёшь сам шариться – и с вертолётom не найдут. Да и где сейчас его взять. Беги!»

Продвигаясь в одиночку по тайге. Андрей сначала старательно выдерживал направление, а затем стал чаще думать о другом. О том, что, вернее всего, Павел просто от него избавился, мешал он ему тихо подойти, ведь держали же собаки медведя, о том, что было время и Андрей его застал, когда из посёлка летали «кукурузники» и был свой поселковый вертолёт. Вокруг были колонии и люди были все при деле: кто надо сидел, а кто надо охранял. Порядок был!

А сейчас – сплошной развал, из органов власти есть только один вечно навеселе участковый на три остатка населённых пункта. Какие тут лицензии – заикнись, и местные обхохочутся!

Так с размышлениями о судьбе простого народа-горемыки вроде и до места добрался. Вот и поворот река делает и видно, как у того берега отмель начинается – вода чуть по-другому себя ведёт, не так как здесь, на глубине.

Он начал оглядываться, примеряться, куда лучше встать и как лучше встать и вообще, как быть, если вдруг действи-

тельно медведь будет здесь преодолевать реку. Начался лёгкий мандраж, может смотаться, пока ещё есть время? А вернее всего Паша всё сделает сам, один.

Для успокоения и придания себе решимости Андрей решил проверить ружьё. Начал с ним возиться и услышал далёкий лай.

Он стал успокаиваться – всё идёт как надо, лают вроде в одном месте, скоро всему конец. Ему лично уготована роль статиста. Радостно грохнул ожидаемый выстрел. Странно, собаки не смолкли, лай вроде приближается. Андрей стал всматриваться в противоположный берег. Затем раздался крик человека. Крик повторился и почти сразу после него из тайги выкатил медведь. Был он совсем небольшим, почему-то совсем черным и именно катил к берегу – трава мешала видеть его лапы. Он уже добежал до воды, когда из леса выскочили собаки.

По отмели медведь скакал прыжками, как лошадь, но на середине реки залетел в глубину и поплыл. Собаки стали оббегать его по дуге, где было неглубоко и сумели его догнать и даже оказались впереди. На берег они выскочили раньше. И это было совсем недалеко от Андрея.

Он был просто выше, берег был пологий. Когда из воды вылезал медведь, Андрей уже не спускал с него глаз, он уже готовился к выстрелу, уже им начал управлять инстинкт и определённый опыт.

Боковым зрением он заметил движение на том берегу

и услышал Павла: «Яшка, взять его, взять!»»

Кобель как-то сразу оказался на пути медведя и твёрдо там встал. Он весь собрался, съёжился, превратился в плотный клубок, из которого торчали плотно расставленные передние лапы, подпружиненные задние и свирепая морда.

Медведь стал подниматься вверх по склону, и собака ринулась ему на встречу.

«Яшка» прыгал сразу всем телом, небольшими скачками,

и зло лаял. Андрей сообразил, что надо стрелять – собака не отступит, хозяин рядом и он чувствует его поддержку. Ещё мгновение, и они схватятся, надо стрелять, но не видно «Пальмы».

Вдруг у зверя выросла ещё одна задняя нога, он взвизгнул и начал поворачиваться в сторону этой лишней ноги. Стали хорошо видны его шея, грудина, лопатка и, уже стреляя, Андрей понял, что всё делает правильно.

Одна собака перед зверем, другая схватила его сзади, за «штаны». Андрей стреляет сверху и зацепить собак не должен. После выстрела медведь стал валиться на бок и на него напали собаки. «Контрольный выстрел, надо добить» – пронеслось в голове у Андрея.

Он уже подбегал к этой куче тел и не мог сообразить, как это лучше сделать.

Решил зайти чуть сзади, со стороны спины. и уже, когда оказался на месте, понял, что всё кончено. Зверь агонизировал. Из реки вылезал Павел, он немного промок. Надо было разжигать костёр и разделять добычу. Дело было сделано.

Волшебная тайга

Согласитесь, что школа, весь процесс обучения с его чёткими границами взросления при переходе из класса в класс, да и сама школьная жизнь полны ярких, запоминающихся моментов. Я абсолютно уверен, что если каждый хорошенько вспомнит этот период, то всплывёт в его памяти что-то важное и затрагивающее только его. Для кого-то, возможно, это задачка по сложной контрольной, которую решил он и только он из всего класса, у кого-то это будет сочинение, зачитанное перед всем классом и отправленное на конкурс в область...

Кто-то вспомнит школьные вечера, и свой первый «контакт» с одноклассницей, когда, шалея и сам удивляясь своей наглой нахрапистости, сумел её «зажать» и дать волю рукам.

А для кого-то это, возможно, это – первая настоящая драка, когда не чувствуешь боли, сатанеешь от ненависти и забываешь про страх.

В пятом классе, на одном из первых уроков литературы, ставшая впоследствии многими любимая учительница Людмила Алексеевна Ключанова познакомила нас с Пушкиным. Она рассказывала о его детстве, о няне Арине Родионовне, её сказках и вдруг обнаружила, что один из наиболее беспокойных учеников, темпераментный и неусидчивый непоседа странно преобразился. Он сидел совершенно ти-

хо, напряжённно вслушиваясь в рассказ про старушку-няню, внимательно встречая каждое новое слово, новое предложение, а на его милой подвижной мордашке застыло выражение восторженного удивления. Весь класс тоже как-то затих и воодушевлённая этим вниманием учительница с упоением продолжала описывать состояние юного слушателя сказок – будущего великого поэта.

Каюсь, мне в то время было не до Пушкина. Рассказ о детстве поэта, его няне и её сказках поразил меня совпадением с моим детством. Удивление и захватившие воображения воспоминания утомили мой буйный нрав и вынудили успокоиться.

В учебнике была картинка – кучерявый мальчик, подперев кулачком щёчку, слушает сказки неродной бабушки.

Я в его возрасте с подобным вниманием также слушал сказки и также неродной бабушки. В Советском Союзе, в Западной Сибири была прекрасная страна – Горная Шория. Люди, немало поездившие и немало повидавшие в мире, называли её за красоту Советской Швейцарией. Возможно, ещё и за то золото, которое хранилось в её горах и которое послужило причиной превращения этого чудесного края, в край заброшенных карьеров и бездушного хозяйствования. Шорцы, местные жители, пошли проторенной дорогой всех малочисленных народов. Под нахрапистым натиском цивилизации они спивались и деградировали не просто семьями, а родовыми кланами, так как издревле жили

по-родственному дружно и оседло, не кочевали, а кормились дарами тайги -охотой и рыбалкой. В нашем подъезде на первом этаже жила такая многоликая и многочисленная семья. Во главе её стояла старуха-мать, здесь же проживали её сыновья со своими жёнами и их дети, её внуки, двоюродные между собой братья и сестры. Жила семья весело. Летом к ним постоянно приезжали гости -многочисленные родственники. Гостили и уезжали, а им на смену приезжали другие. Осенью и зимой оставались в семье в основном женщины и дети -мужчины уходили в тайгу – бить кедровую шишку и добывать пушного зверя. Весной и летом эти же мужчины ловили рыбу в бурной и стремительной реке Томь. Среди детей был один шкет, звали его Васькой, он был мой ровесник, мы с ним пошли осенью в первый класс.

А до этого – летом, подружились. В самом начале лета, когда дом только заселяли, и никто особо никого не знал, я случайно, болтаясь во дворе и осваивая новую территорию, натолкнулся на неприятную картинку. Трое лупили одного. Двое держали низенького мальчугана, а третий старательно отвешивал ему пендалей. Я рос в хорошей, благополучной семье, долго жил у бабушки. Она старательно и незаметно учила меня основам христианства, а дед делал вид, что не замечал это и втолковывал мне своё видение мира – тоже хорошее и доброе. Благодаря ему я не курю сам, не курит мой сын и не курил мой отец. Но на окраине Новокузнецка, где проживали мои благовоспитанные старики, был «Шанхай». Там

проживал тот пролетариат, который всегда жил и будет жить плохо и бедно. При любой власти и при любом строе. Им всё равно – какой сегодня праздник и куда надо идти – защищать Белый дом или его штурмовать – главное, чтобы было на халаву выпить и можно было вволю подраться. С детьми этих бесшабашных, вольнолюбивых и полу криминальных взрослых я общался. С ними было интересно – они были отчаянно смелы и уверены в манерах и поступках. Поэтому и я, уверенно с разбега налетел на учителей, одного сразу толкнул и свалил, другому дал хорошего пинка, а с третьим мы схватились бороться. А затем я познакомился с Васькой. У него тоже были свои особые манеры и своя линия поведения. Он не умел, а поэтому не любил играть в футбол. Крайне неохотно играл в вышибалу и «штандер», если там были девчонки. Но обожал прятки. И ещё он любил охоту. У этого семилетнего шкета был лук и рогатка, и вскоре кошки уже пугливо оббегали наш двор стороной, а воробьи и голуби балансировали на грани вымирания.

Он не мог драться, просто не мог сделать больно другому пацану и поэтому терпел обиды, считая жестокость к себе чем-то вроде игры. Но откровенно презирал девчонок и просто считал ниже своего достоинства общаться с ними. С ним было интересно. Каюсь, я многое у него перенял. До сих пор я, уже взрослый человек, оглянувшись по сторонам, иногда начинаю мяукать и подманивать проходящего кота. Моя бедная младшая сестричка оказалась виновата в том, что

она девчонка и вскоре почувствовала это на себе. Вероятно, в моей не очень удачной семейной жизни лежит плохо скрываемое презрение к женскому полу.

Васька был совершенно самостоятельным. В семь лет он открыто курил трубку и ходил куда хотел и когда хотел. Я ни разу не слышал, чтобы его звали домой обедать или просто потому, что поздно. Однажды, я затащил его к себе в гости, мы поиграли в машинки и солдатиков, а затем моя матушка нас накормила. То, что при этом она решительно прекратила нашу игру, заставила вымыть руки, а Ваську и умыться, а ещё и поучала за столом как надо правильно и воспитанно есть - здорово поразило Ваську. В ходе этих экзекуций он несколько раз дёргался и бросал на меня вопросительно-негодующие взгляды и порывался что-то сказать.

Но, когда я попал к нему с ответным визитом – то уже изумляться пришлось мне.

Прямо с улицы мы с ним прошли на кухню, уселись за стол и чуть-чуть подождали. Затем Васька крикнул что-то по-своему, в глубь квартиры.

Пришла девчонка лет 12—13, позвала ещё двух поменьше и так я в семилетнем возрасте впервые попал в ресторан.

Мы с Васькой только ели, а накрывали и убирали его сестрёнки.

Осенью, когда мужчины ушли в тайгу бить кедровую шишку, Васька загрустил. Возможно, он также хотел в тайгу, но надо было ходить в школу.

Как-то тёплым вечером группа мальчишек увидела летучую мышь просто огромных размеров. Мы и раньше видели этих рукокрылых летунов, летают они будь здоров, свободно могут в пилотаже с ласточками соревноваться. А тут, вдруг может мутант, может просто экземпляр другой породы залетел к нам во двор. Ребята поменьше даже бросилась догонять этот живой планер, ребята постарше сдержанно поохали и вскоре забыли. Васька сидел рядом со мной, он также оглянулся на восторженные крики малышни и на лице его возникло восторженно-восхищённое выражение. Он широко раскрытыми карими глазами (шорцы вовсе не узкоглазы) удивлённо следил за стремительным полётом огромной мыши, а затем вдруг как-то мгновенно подобрался. Лицо стало сосредоточенным и оценивающим. Оно так моментально изменилось, что я не узнал своего друга.

Добрый и ласковый, удивлённый взгляд его стал жёстким и твёрдым. Всё! Его безжалостные глаза послали вслед животному смертельный приговор.

Несколько вечеров Васьки с нами не было. А как-то утром на скамейке у подъезда появилась окровавленная тушка так поразившего нас летуна.

Васька был жутко предан дружбе. Он не играл без меня и вообще мы с ним почти всё делали вместе. Но моя мать, сердцем чуя беду, старалась нас разлучать почаще. Мне трудно было с ней справляться, так как она подключала в трудные минуты отца. А тот просто повесил на гвоз-

дикое свой ремёнь с обещанием пустить его в дело. Однажды, загнав меня за уроки, она два раза выставляла Ваську за дверь, но в конце концов впустила его, поражённая Васькиным упрямством. Семилетний, неизбалованный родительским вниманием и лаской пацан, притащил мне, своему другу, кусок арбуза. Мать не пустила в дом. Он пришёл позже, с тем же куском. Мать его опять отшила. Но когда он явился спустя полчаса и опять с тем же куском арбуза, даже она была сломлена такой недетской настойчивостью. Сейчас я понимаю, что, вероятно, Васька ел арбуз первый раз в жизни, конечно, он ему понравился, и мальчуган твёрдо решил, что надо этой вкуснотищей со мной поделиться. Моя матушка была нормальной русской женщиной, и с тех пор отправляя меня во двор гулять, постоянно давала что-либо. Чаще всего это были конфеты – ириски «Золотой ключик», липкие коричневые подушечки в какао-порошке или карамель. Она знала – один я их есть не буду, да просто не смогу! А теперь безо всякого вранья. Впервые в жизни я пил спирт в гостях у Васьки. Когда к нему приехали очередные родственники и веселье было в самом разгаре. Выпили мы с ним совсем по чуть-чуть. Но с тех пор я умею пить спирт, алкоголиком не стал, с дома вещи не пропиваю, выпиваю очень редко и предпочитаю неразбавленный спирт. Васька заразил меня неизлечимой болезнью – охотой. Подобраться с луком к ставшим осторожными бродячим кошкам и суметь попасть тупой стрелой в бегущую – поверьте, совсем нелегко. Осе-

нюю, возвращаясь из школы, мы с Васькой стали встречать у подъезда его бабушку. Я не помню, как её звали – имя было шорское, но помню, что она была чудно одета – в лыжный байковый костюм. Ей было скучно в опустевшей квартире, подруг не имела так как плохо говорила по-русски. Просто сидела на скамейке у подъезда, курила трубку и ждала из школы внука. И меня. Она не хотела, чтобы мы пропадали, оставляли её одну на один со скукой, и начинала нам рассказывать сказки. Это были чудесные сказки. Возможно, она сама их придумывала, а может это были сказки шорцев. Все события в них были связаны с охотой, с преодолением трудностей, с оказанием помощи, терпящим бедствие и попавшим в беду. Чаще всего там были два друга, которые всё делали вместе и если расставались, то ненадолго и именно в это время с одним случалась беда, а другой приходил на выручку. Я их уже почти не помню, но помню, как мы с Васькой твёрдо решили идти по жизни вместе. И помогать друг другу. Как сказочные герои. Одна сказка всё же крепко засела в память.

Так как накануне мой дедушка открыл мне страшную тайну жизни – оказывается, все люди умрут. Кто-то раньше, кто-то позже, но обязательно умрут. Мне очень не хотелось умирать, но дед меня успокоил, что у меня это будет не скоро, а вот с ним это вскоре произойдёт.

Когда я поделился своей бедой с Васькой, а деда я любил и не хотел, чтобы он умирал, он сказал, что попробу-

ет помочь и поговорит со своей бабушкой – которая всё знает и всё умеет и которую он также любит. Дождавшись нас из школы, бабушка нам объяснила, что люди не умирают, просто они уходят в волшебную тайгу, и рассказала сказку о волшебной тайге. Там так хорошо – идёшь, захотел ягод – выходишь на поляну – она полна сплошь вкусных ягод. Идёшь дальше – захотел рыбы – выходишь к реке, там легко и просто ловится любая рыба. Это тайга исполнения желаний и поэтому оттуда никто не возвращается домой – так там хорошо. Я обрадовался вначале, а потом вспомнил, что дед мой был машинистом паровоза и в тайгу его калачом не заманишь – вот в депо или на вокзал, другое дело. Васька долго объяснял бабушке, кто мой дед и почему он не ходок в тайгу. Её здорово поразило то, что есть мужики, которые в тайгу не ходят и, по-моему, а я уже начал кое-что понимать по-шорски, она не поняла, что такое паровоз. Но всё же объяснила мне чуть позже, что мой дед просто уедет в рейс туда, где будет так хорошо, что он не захочет оттуда возвращаться.

Даже к любимому внуку, так как там он встретит своих верных и надёжных друзей. Они будут опять ходить вместе на охоту и рыбалку. И я поверил.

Вероятно, стояло бабье лето, было ещё тепло. Прошёл небольшой дождик, после которого мы на стройке играли в прятки. Затем все разошлись – кто за уроки, кто в магазин, кто ещё куда. Мы с Васькой тоже собрались уходить, и он сел покурить. Сидел он на железной бочке, на крышке,

прикрыв ногами небольшую дырку. Из бочки странно пахло, в ней была дождевая вода и что-то ещё и, вообще, она шипела и булькала внутри. Васька докурил свою маленькую трубочку, раздвинул ноги и начал выбивать в бочку пепел из трубки. Посыпались пепел и искры. Много позже я узнал и понял, что в бочке был карбид, туда же попала дождевая вода.

Началась реакция – стал выделяться ацетилен – горючий газ.

Бочка бы пошипела, и газ бы вышел, но Васька сел на бочку верхом и прикрыл дырку своими ногами. Газ собрался. Мальчуган сдвинулся в сторону и начал выбивать в бочку с газом горящий пепел.

Я не помню, почему и какая сила заставила меня сделать два шага и оказаться за стеной – я просто вышел из той комнаты, где была бочка.

Может, я пошёл, уверенный, что сейчас за мной шагнёт и Васька. Но он не шагнул, сзади гулко бабахнуло, мимо меня за спиной проскочило жаркое пламя, чуть лизнув жаром, и сразу где-то стал громко кричать человек.

Затем – провал в памяти и просто не могу вспомнить, как убежали взрослые, как пытались потушить горящего Ваську, как приехали врачи и хотели его забрать, дотронулись до него, и он стал протестующе кричать. Он кричал громко, протяжно и зовуще. Я протиснулся между чьих-то взрослых ног туда, где был этот ужасный запах, и где валялась развороченная бочка, а рядом с ней куча обгорелых тряпок. Вдруг куча дымящегося тряпья шевельнулась и стала расти вверх. Затем она как-то дёрнулась, и я увидел, как получилась странная дуга – это Васька выгнулся в спине, опёрся на ноги и упёрся в бетонный пол головой. Вероятно, ему так было легче переносить боль. От того, что мальчуган катался по бетону, инстинктивно пытаюсь сбить пламя, одежда и кло-

чья обугленной кожи смешались, лицо распухло и жутко изменилось, стало совершенно бесформенным, куда-то пропала руки, возможно, запеклись на груди.

И «А-А-А!».

Вдруг из всего этого бесформенного и обугленного куска мяса сверкнули глаза. Наши взгляды встретились. Боже, он меня узнал!

Я не мог отвести взор, всё куда-то исчезло, остались только Васькины глаза и из них ко мне, в меня, внутрь, в моё существо лился Васька, его душа, его мысли. Он прощался со мной, просил не забывать, обещал, что мы ещё встретимся. На какое-то мгновение чёрный обрубок стал привычным мальчуганом-шорцем, и я опять увидел его совершенно нормальным, к существующим глазам приложилось знакомое небольшое тельце. Да вот же Васька! Но миг – и глаза потухли, обугленная дуга стала опускаться и оседать вниз, начала дёргаться и биться в конвульсиях. Раздался женский плач и чей – то протяжный стон. Я закрыл глаза, мне стало страшно. Горечь потери усугубилась тем, что отец меня, на всякий случай, в целях профилактики, в тот вечер вылупил ремнём.

Мы уехали из Сибири, я стал взрослым, и уже выросли мои дети. С 20 лет я занимаюсь охотой официально. Там бывало всякое, но я очень не люблю лезть в воду и крайне неохотно плаваю. Возможно, однажды я попаду в глубокую реку и с трудом, еле-еле смогу выплыть. Обессиленный, выползу на лесной берег и там встречу человека – моего ровес-

ника, охотника-шорца с удивительно знакомым и дорогим мне лицом. Возможно, вместе с ним на берегу встретит меня и собака – копия моей любимой охотничьей лайки – кобеля «Амба». Мне помогут подняться, и мы пойдём втроём в чудесную тайгу.

Там исполняются любые желания, там так хорошо, светло и просторно, спокойно и тихо, что не захочется из неё уходить.

Вероятно, я встречу там ещё и тех людей, которые мне были дороги в этой жизни, но которых уже в ней нет. Пусть простят меня дети, я не захочу к ним оттуда возвращаться. Время пришло, и я уже вступил в эту глубокую реку. «Слышишь, Васька, слышишь, я иду к тебе!»

Крылатые баксы

ГЛАВА 1

До выстрела все шло в обычном штатном режиме, затем стали происходить странные, необъяснимые вещи. Глу-

харь не стал так ожидаемо и желанно опрокидываться назад и красиво ударяясь о ветки падать вдоль ствола к земле, но и не стал взлетать с таким характерным и только ему присущим шумом. Он просто продолжал сидеть у ствола на ветке. Андрею даже стало казаться, что звук выстрела вообще остановил время. Оно, это время, благодаря щелчку мелкашки мгновенно превратило динамичную охоту в обычную фотографию, на которой сидел, вытянув вниз шею глухарь, под ним, задрав морду застыла немая собака и добавлены были в эту картинку так, для красоты – голубоватый снег, чёрные стволики кустарника, какие-то длинные и рыжие былинки, зелёные ветви елей и прочая мишура. Андрей же тупо уставился в эту дребедень и ждал, ждал, уже теряя терпение – когда же что-то произойдёт? Он очень хотел, страстно желал, чтобы грохнулся вниз этот такой желанный трофей, а вместе с ним свалились бы все эти проблемы и заботы такого тяжёлого последнего месяца – все эти тяготы и лишения промысла, все эти ночные страхи, вечерняя тоска одиночества, дневной неустроенный быт, плохое питание и прочие неприятности. Про себя он уже решил – все, хватит, – это будет последний, «дембельский» глухарь.

И на нем он поставит точку в своём таёжном бизнесе. Месяц перевалил за середину и срок возвращения в посёлок был близок.

И вот – чёрте что, мгновения ожидания результатов вы-

стрела превратились в тягучую, вязкую пытку. «Вот тебе и оптика с четырёхкратным усилением», – успел он пожаловаться про себя неизвестно на кого. И в то же мгновение чёрная птица опрокинулась назад и теряя о ветви перья закувыркалась вниз.

Была у Андрея странная привычка – к месту и не к месту вспоминать реплики из любимых фильмов. Это пошло ещё с детства, с любимых «Неуловимых мстителей», а с годами укоренилось, намертво засев в голове. Вот и сейчас, подойдя к собаке и забирая у неё птицу, он вслух произнёс: «Однако, Пётр Сергеевич, партия!» Штабс-капитан Овечкин из «Неуловимых», после этих слов разведчика красных повёл головой влево и промолчал, ему жал горло тесный ворот кителя и может быть именно поэтому он и проиграл партию в бильярд своему визави.

И пёс также промолчал, он повёл головой – справа, с уха капала кровь – в азарте тисканья глухаря он не поберегся и разбередил старую рану.

Андрей взглянул на часы, на солнце, задержал взгляд на собаке, проследил, как все убыстряют свой бег капли крови и начал разводить костёр. Подошло время передохнуть, а самое главное – крепко подумать, что делать дальше.

Три дня назад «Вальс» добирал подранка в еловом подросте. Место было очень крепкое, маленькие ёлки росли плотно и густо.

Все события развивались под густой зелёной пеленой

и присевший на корточки Андрей только наблюдал, как спаниель ловил убегающего глухаря. Затем где-то там, в этом зелёном море раздался шум схватки и почему-то взвизгнула собака. Андрей особо не беспокоился, «Вальс» добирал и давил уже не первого подранка, справится и с этим. Беспокойство пришло потом, уже ночью. А тогда все кончилось почти нормально – собака выполнила свою часть общей работы, Андрей продрался сквозь колючие ёлки-подростки, забрал добычу и чертыхаясь, и матерясь пошёл обратно. И уже на чистом месте обнаружил, что у собаки разодрано ухо. «Супоухов» – именно так дочь и сын обзывали иногда щенка. У нормального, породистого спаниеля длина морды и длина ушей примерно равны, поэтому и существует специальная посуда

для кормления этих собак. Андрей же пока кормил щенка из обычной миски и иногда случались казусы – кончики ушей мокли в супе, отсюда и «Супоухов».

Сейчас же с уха капал не суп, а кровь, и вдоль всей внутренней, нежной как из замши поверхности уха проходила глубокая царапина. «Зарастёт как на собаке», – поставил вслух диагноз хозяин. Собака выслушала и согласилась, деваться ей особо было некуда и альтернативы, то есть возможности выбора, у неё просто не было. Но не заросло.

До вечера она дотянула, а ночью больное ухо беспокоило, мешало не только спать, но и просто тихо лежать.

Среди ночи Андрею пришлось кипятить воду, промывать

рану, давить таблетку стрептоцида, сыпать на рваные, воспалённые края и решать вопрос – каким образом бинтовать ухо. Это оказалось самым трудным. Выражаясь медицинским языком – наложить повязку на внутреннюю поверхность правого уха оказалось совершенно невозможным делом. А без повязки все лекарство ссыпалось и безвозвратно терялось.

Спаниель бежит ушами – на предельной скорости уши, как бурка у чапаевца, как крылья у птицы – где-то сзади вьются. Может сухая веточка еловая подловила бегуна, а может сам глухарь в агонии рванул когтистой лапой, – важно не это, а то, что царапина долго кровоточила, в неё попала грязь, рана воспалилась, «Вальс» ночью попытался почесать больное место и разодрал его ещё больше. Свою вину хозяин признать не желал, и собаке пришлось среди ночи выслушивать массу упрёков и резких оценок своей бурной деятельности. Было сделано несколько попыток перевязать злополучное ухо, закладывая его через затылок на другое, сворачивая в трубочку и в конце концов плотно прижав, его перевязали вместе со всей головой. Конец ночи и ранее утро прошли в совместных мучениях. Собака желала содрать повязку, Андрей старательно бдил и все эти попытки пресекал. Но не только ночь, день пошёл кувырком. Пошли на охоту, «Вальс» ушёл в поиск и первым же делом сорвал надоевшую повязку. Андрей спохватился поздно, и рана опять закровила. Пришлось вернуться. Двое суток человек пытался лечить

собаку.

На такой охоте без собаки тяжело, да что там тяжело – просто невозможно, и собака нужна здоровая, поэтому Андрей решил потерять два дня, потратив их на верного напарника. За эти два дня больших изменений не произошло, рана начала затягиваться, но кончилась ленточка стрептоцида. И вот сейчас Андрей сидел на пенёчке,пил чаек, иногда взглядывая на собаку, и вспоминал как все хорошо начиналось.

ГЛАВА 2

Началось всё с испуга. «На таких машинах обычно раскатывает мафия», – примерно так подумалось Андрею, успевшему увидеть подъехавший к дому джип, из которого неумело, задом, вылезла низенькая тётка и колобком покатила к крыльцу, за ней зашагали два мужика амбалистого вида. Было ещё не так уж и поздно, но подобных гостей хозяин не ждал и как-то враз испугался. Для человека, послужившего в колонии, а затем занявшегося коммерцией, страх в подобной ситуации – нормальная реакция организма. Не желая окончательно впасть в панику, Андрей сам, ещё до звонка, пошёл открывать дверь. Тётка ввалилась в дом первая, за ней осторожно зашли два хмыря. Бабу эту Андрей уже где-то видел, вернее всего на рынке, мужики же были явно приезжие и какие-то несмелые. Но за ними в дом лез третий и уж эту харю Андрей признал сразу.

«Да, это он», – повернулась к мужикам баба и обрадовано добавила: «Попали туда, куда надо». Знакомая харя, вытянув руку, полезла вперёд, здороваться. Тётка затараторила с извинениями про поздний визит, про гостей из Литвы и пела что-то там ещё. Но Андреи уже не слушал, он отходил, успокаивался после пережитого испуга. Все было очень просто – нужны были куриные окорочка, вот они и припёрлись в такое время. Взяли сразу упаковку -15 килограмм, рассчитались баксами и остались очень довольны. На выходе, уже в дверях мужики затормозили и стали лопотать на своём. А затем знакомый Андрею местный литовец, тот, что иногда забегал поменять доллары на белорусские рубли, предложил продать чучело глухаря. В прихожей, уже третий месяц задрал голову в потолок беззвучно пел глухарь. Честно говоря, был он тут не к месту, совершенно не смотрелся, но лучшего места Андрей ему пока не нашёл. В начале мая этот глухарь, тогда ещё живой, радовался жизни в уральской тайге, но у каждого своя судьба – и стал он желанным трофеем в доме охотника, а два его собрата почти готовые лежали задрал вверх ноги в мастерской местного таксидермиста. Андрей на секунду задумался и вспомнив своё унижение страхом, заломил цену: «Четверть баксов». Литовцы поняли без перевода и один полез за деньгами. Расставались уже у машины, Андреи решил проявить себя радушным хозяином и пошёл провожать. В машине, на заднем сидении, глухарь стал смотреться лучше.

Может другого литовца зависть разобрала, но он вдруг спросил по-русски: «Скажите, а ещё одного такого можно сделать? Мне нужен подарок нашему старшему полицейскому».

«Конечно, четверть баксов – и нет проблем», – ответил Андрей: «Но не сейчас, а через день». На том и расстались. Через день, под вечер состоялся обмен. Напоследок разговорились и в разговоре литовец, на вид рохля рохлей, стал ставить капканы. Вроде с шуточками, между делом сводил всё к одному – как бы выйти на того, у кого таких птичек много. Андрей полез в машину и там уже поговорили всерьёз и начистоту. Алекс гарантировал сбыт и твёрдую цену в твёрдой валюте. Андрей обещал подумать и позвонить, с тем и расстались. Вечером он смотрел телевизор, но что именно смотрел, вряд ли бы вспомнил при всём желании. Мысли о шальных деньгах лезли в голову и не давали покоя. Среди ночи жена Андрея обнаружила отсутствие супруга. Выждав все мыслимые и немыслимые сроки, она отправилась в поход по дому. На кухне горел свет, за столом, слегка одетый, сидел супруг и вёл какие-то расчёты. Дальше пошли нормальные семейные разговоры:

«– Слушай, дружок, я тебя сегодня ухой кормила?»

– А причём здесь рыбий суп? Ты вот послушай...

– Нет, ты ответь, кормила или нет?

– Ну, нет!»

– Так чего же ты сидишь тут в два часа ночи со своей бух-

галтерией такой...

– Какой?»

И она добавила, как одним словом можно назвать человека старательно, сосредоточенно и очень долго уху евшего.

Запахло скандалом, но Андрею всё же удалось донести до жены весь смысл его расчётов. Дебет-кредит показал, что если продать трёх глухарей по 25 зелёненьких – навар перекроит все расходы.

«Ты прикинь сама, меня весной не было две с половиной недели, причём на самой охоте я был четыре дня. А если больше? И добуду больше и навар больше.»

«Мели, Емеля – твоя неделя,» – подвела итог расчётам жена и погнала его спать. Уже в постели она почувствовала неясную тоску, скорее даже тревогу от всех этих превращений чучел в деньги и решила отогнать свои дурные предчувствия и его финансовые расчёты простым, естественным, испытанным и безотказным, истинно женским способом. Но Андрею было не до любовных утех. Он уже загорался другой страстью, уже считал барыши и прикидывал свои первые шаги в деле превращения большой кучи перьев в небольшую, но такую желанную кучку денег. Закончилось всё совсем плохо. Каждый шёл своим путём, не желая уступать. Жена упорно и настойчиво добивалась превращения ночного бухгалтеря в нормального мужика, наивно уверовав, что стоит этому произойти и пройдёт у мужа эта блажь, забудет он в страсти все свои расчёты так, что утром и не вспомнит.

А уж она-то постарается, надо только совсем немного, ещё разик поцеловать, вот тут по спинке погладить, жарким бедром поплотнее прижаться... Она незаметно распалилась сама и уже в преддверии ласок со страхом поняла, что ничего у неё не выйдет.

Что мужик её хоть и телом близко, но душою уже далеко, где-то там, в Уральской тайге и, пожалуй, сегодня его оттуда уже не вернуть. От обиды и злости она оттолкнула Андрея: «Эти твои глухари, долбанные они... они вонючие, они ёлкой смердят, я их и есть-то не могу, а ты...» и начала всхлипывать. Андрей дотерпел пока глубокие вздохи не перешли в настоящий рёв и, скрипнув зубами, рванул с супружеского ложа. Метался и шарился по спальне и по мебели он недолго и вскоре нашёл деньги, те самые доллара за чучело. Решительно подбежал к своей завывающей половине и, взглянув на неё, мгновенно её пожалел, а пожалев, сказал совсем не то, что хотел: «Дурёха, а эти пахнут? Нет, ты нюхни – они пахнут? Они деньгами пахнут. Ты чё думаешь – там курорт? Да там каторга – тайга, зеки беглые и медведи, да я чё – ради себя? Да ради твоего же блага, для семьи же, для детей, пойми...» Он говорил ещё много, говорил, повторяясь и сначала сумбурно, а потом всё складней и складней. Жена выплакала свою обиду, он выговорился, каждый разрядился и теперь можно было идти на мировую. И совсем неправда, что ночью все кошки серые, а все девушки – красивые, слегка одетые женщины тоже очень привлекательны, хотя и при свете

и слегка зарёваны... Так они и помирились.

ГЛАВА 3

Затем события развивались в бешеном темпе. Андрее спешил, вот уж действительно, «Время-деньги!».

Путь до места состоял из бесконечной смены видов транспорта: автобусом до Минска, поездам до Москвы, самолётом до Усольска, на такси до Шмана и на тепловозе до таёжного посёлка Сильва.

Дорога была тяжела – ни поесть толком, ни поспать толком не удавалось, зато быстра, если есть деньги и в порядке документы, то можно добраться к чёрту на рога – билеты проблем не составят. Сильва представляла собой медленно, но уверенно хиреющий и вымирающий год от года населённый пункт. Зародился он в тридцатые годы сначала на бумаге, в планах начальства, как штатная единица в обширной сети Гулага. Ещё в младенчестве сумел создать вокруг себя 5 колонии и стал активно и быстро расти благодаря их дармовой силе и при её активном участии. Внешне он был по-армейски прост и незатейлив.

На возвышении, в центре стояли: штаб отделения, 2 магазина, гостиница, школа-десятилетка, почта и даже столовая.

От штаба чётким солдатским шагом расходились однотипные дома-солдаты. Улицы были – прямолинейны, пересекались под прямым углом и просматривались из конца в конец. Во всём чувствовался порядок – стандартные сборно-щитовые дома, стандартные по размеру дворики, со стандартным набором строений – дровник, сарай, баня. Благодаря такой прямоте и безликости радовал посёлок глаз милицейскому начальству любого уровня: «Пусть безобразно, зато однообразно». И жизнь в посёлке в те годы была ясной, чёткой и понятной: по узкоколейке привозили очередной этап, распределяли «жуликов» по колониям, а те уже дальше в лес, на лесоповал. Тайга обширная, деревьев на всех

хватит. И сплавляли лес и по реке и везли его на лесовозах и по узкоколейке на тепловозах. Главное – все при деле были; кто-то пилил, кто-то вывозил, кто-то охранял, а кто надо – тот и рукой водил.

Но пришло время великих перемен и именно в это время всеобщего развала великого государства, после успешного разгона ракетной дивизии и безуспешной попытки устройства в белорусскую армию приехал Андрей дослуживать до пенсии в посёлок Сильва. До пенсии оставалось 5 лет и надо тянуть лямку где угодно – хоть во внутренних войсках, хоть зеков охранять, но надо.

И он дотянул до пенсии, хотя временами было очень тяжело и тяжело просто по-житейски – не хватало хлеба в поселковом магазине, не хватало баллонов с газом, замерзала колонка с водой, деньги выдавали ну, по очень большим праздникам. Одно было хорошо, да не просто хорошо, а просто прекрасно – это охота. Весною утром выйдя на крыльцо, можно было услышать в тишине как упоённо токуют тетерева. Именно здесь, по классической схеме: на току, Андрей добыл своего первого глухаря, с замиранием в сердце шёл по следам медведя, на заросшей просеке встретил совершенно не боящегося человека петушка рябчика. Правда и у соседа с цепи во дворе сняли собаку, пройдя через весь посёлок, волки. И не у него одного. Есть что вспомнить!

Вот и сейчас, сидя за столом у своего приятеля – начальника колонии, Андрей постоянно задумывался и выпадал

из общего разговора. Он вспоминал свои прежние охоты в этих местах и старался представить будущие – на глухарей.

В конце концов такой озабоченный гость вывел из радужного состояния хозяина и тот решительно потребовал ответа – за каким таким хреном ты сюда припёрся? Конечно, все детали Андрей не выдал, но основную свою заботу – за короткий срок добыть побольше глухарей, пришлось открыть. «Балбес, ты, балбес, – в сердцах выразился хозяин, – во заботы у пенсионера! Да сейчас осень, самое начало, они в желудок камешки на зиму набирают, их на насыпях железно-дорожных – валом.

Позавчера Васька Полегов, да ты знаешь его – машинист тепловоза, ключом гаечным стрелял как в городки – так близко подпускают. Надо только раненько-раненько утром, на зорьке и на первом тепловозе, непуганых ещё...» Андрей и сам слышал и знал про такой простой и добычливый способ. Знал и вот забыл, а вернее сказать – не думал, уж больно подлый этот простой способ. Действительно, глухари и глухарки на зиму набирают в себя камушков – перетирать долгими зимними ночами зелёную хвою – единственный доступный корм в то время. И хотя глухарь птица не глупая и осторожная, но не пугливая и подпускает медленнодвигающийся и глухо работающий тепловоз довольно близко. А взлетает крайне неохотно – всё старается отойти от непонятного и вроде не опасного пришельца. Взлетает, как правило или увидев человека, или уже неудачно стре-

лянная. Раньше, за такую охоту можно было вполне законно получить от местного жителя и по морде, но сейчас, и сами потомки истинных чалдонов занимаются таким промыслом. Хозяин уже второй час храпел за перегородкой, а к Андрею несмотря на выпитую водку не шёл сон. Он снова и снова прикидывал на себя, на свой характер этот простой способ – стрельба с подъезда. Этично, не этично, а провода электрические воровать – этично, а буквы цветного металла из имени родного города воровать – этично? Андрей сам по телеку видел – ведь белым днём сняли! Рядом трасса проходит на Москву, а славный Нижний Новгород лишается половины букв своего древнего имени.

Вот те, кто буквы срубал горевали, вот горевали – надо было из просто Горького в Славный Нижний Новгород переименовать, всё букв больше. Эх, а всё жадность людская! Да что там жадность – ты создай человеку нормальные жизненные «условия – полезет он в гудящую трансформаторную подстанцию за цветметом, полезет, а? Вот то-то и оно, что жить нормально все хотят, а которые получше хотят, те и лезут в трансформатор и попадают в могилу или тюрьму. Да что, я стельных коров лосиных стрелять буду?

«Переживаешь как школьница, честь потерявшая,» – обрвал себя Андрей. Он поставил будильник на четыре утра, покрутился на чужой постели, устраиваясь поудобнее и вскоре заснул.

ГлаВА 4

К вечеру у него было шесть больших и чёрных, отливающих зеленью на солнце, птиц. Андрей и сам поверить не мог в такую удачу и иногда бросал взгляд на эту гору из убитых глухарей. Верилось с трудом, хотя сам стрелял, складывал и считал. Всё оказалось до обидного просто хотя и ружьё, конечно, помогло. Ружьё было интересное – многозарядное, с подвижным цевьём, необычное по конструкции и неизвест-

ное в работе. Называлось оно «Бекас» и было создано в малоизвестном городе Вятской области. И в работе оно оказалось отличное. Дуплет вообще штука редкая, его обычно на утиных перелётах делают, а тут удалось Андрею на речной отмели трёх штук свалить.

Тепловоз тихо и спокойно без лишнего шума и гама, на нормальной скорости и нужных оборотах возник над галечником. Там река изгиб делает и отмель получается, взлетать им неудобно было – тайга близко, но тепловоз сверху, пришлось по открытому к тому берегу тянуть. Андрей первого стрелял сидящего, тот только шею успел вытянуть и башкой крутить начал, второго уже взлетающего, а уж третьего над водой достал. За ним, первым, и бегал и сам в воду лазил – боялся вода быстрая унесёт. Были эти трое, наверное, из одного выводка, может и братья – все этого года, тело ещё особо не нагуляли. «Ничего, тело мы вам сделаем, была бы шкура цела,» -успокаивал себя Андрей. Биты были птицы тоже удачно – головы целы. Уже в тепловозе, рассматривая тушки, Андрей решил, что патроны надо переснарядить.

Ружьё ему дал приятель у которого он остановился, «Бекас» имел ствол-получок, патроны Андрей взял свои, готовил он их, надеясь больше на левый цилиндр своего ружья и получилось кучно. «Повезло, что близко, вполне мог смазать, – заключил Андрей. Машинист тоже был не промах, хоть и из поселенцев, толк в деле сразу понял. Андрей же

по-людски сделал – пачку хорошей заварки с собой прихватил, пообещал добычей поделиться. В пути сам не чифирил, так пригубил разик, больше налегал на разговоры о жизни на воле. Поселенец, чей немалый срок подходил к концу всё удивлялся ценам вольной жизни, в его голове плохо укладывалась цена бутылки водки сейчас равнялась цене «Волги» в его вольное время. И деньги белорусские он долго рассматривал, удивляясь бумажным медведям, волкам и зайцу.

Путь до Шмана был неблизкий, но время летело – так как делом были заняты: по-тихому подъезжали, Андрей стрелял, «Вальс» бежал за добычей, и они вновь то мчались вперёд, то начинали красться, внимательно вглядываясь в дорожное полотно. Добычи было бы больше, но Андрей иногда спешил и мазал, а одного упрянца, не желающего взлетать пришлось стрелять почти в упор, да и «Вальс» его здорово потрепал, отвёл душу. Эту птицу Андрей отдал помощнику машиниста, отдал и решил, что так с близи лупить не стоит – кучно бьёт ружье. Он начал отпускать птиц, позволять им взлетать – пошли промахи, а если доставал вторым и даже третьим выстрелом, то начиналась собачья работа.

Сидящий на полу кабины «Вальс» не мог видеть куда падала битая птица и пришлось лазить с ним по кустам, пока ее запах не прихватит. Собака особо пригодилась при розыске и доборе подранка, а так Андрей вначале думал, что зря взял с собой спаниеля.

Перед станцией Андрей вылез – мало ли что и кто может

оказаться на станции и хоть у него была путёвка и остальные документы были в порядке отчётность была не та, цифры добычи с разрешёнными не совпадали.

Дождаться тепловоза в обратный путь они с собакой расположились за кустиками вблизи узкоколейки.

Вслед за солнечным теплом, природной тишиной и душевным покоем пришли сначала лёгкая дремота, а затем и настоящий сон.

Проснулся Андреи от собачьего лая и человеческого крика – это помощник машиниста сунулся поискать охотника и нарвался на собаку. Едва не покусал спаниель парнишку, а на вид и не подумаешь – всё же не овчарка и до станции ехали в одной кабинке.

На обратном пути Андреи пытался потрошить глухарей. Конечно, зря он начал это делать – просто запаниковал: в кабине стало тепло, дела не было, он уже выспался и решил, что пропадёт мясо. Ну, пропало бы мясо, шкура – главное.

Через десять дней у Андрея было восемнадцать глухариных шкурок. Охота с подъезда прошла – удача приходила всё реже, но самое главное – он понял, что порядком надоел в гостеприимном доме.

Хотя хозяин и хозяйка были ему кое в чем ой как должны, долг свой помнили и были любезны, но... Бабе надоела возня с глухариным мясом, а мужика волновали события в его доме в вечернее время, когда он был на службе и в хате оставались один на один жена и задушевный заезжий приятель.

Андреи быстро, в одночасье собрался и за ужином обрадовал хозяев своим отъездом. Расставались хорошо, по-человечески посидели вспоминая прошлое и чуть заглядывая в будущее. Уже в конце разговоров хозяин озадачил Андрея: «Оставь Вальса, ведь ты скоро опять приедешь, чего тебе с ним тягаться?» Простое и разумное это предложение заставило Андрея крепко задуматься. Он планировал спокойно возвращаться домой поездом. Пусть так длиннее, зато спокойнее – в аэропорту могут шмонать. Вообще, возвращение без собаки создавало новую проблему – проблему прикрытия. Одно дело – садиться в поезд мужик в камуфляже с ружьём в чехле и с собакой на поводке, ясное дело – на охоту или с охоты, чего его рюкзак потрошить, в худшем случае документы на оружие проверят. И совсем другое дело, когда шляется по вокзалу человек в камуфляже с объёмным рюкзаком, место людное, наряд сверхбдительный и выплывут 18 шкурок, которые едут из одного государства в другое. Рассуждал так Андрей вслух и хозяин, иногда кое-что своё вставлял. Помогла им женщина, именно с ее слов уже на следующий день улетел Андрей из Перми нормальным пассажиром с нормальным чемоданом и в нормальной гражданской одежде.

Надя, жена приятеля предложила одежду сына этим летом поступившего в военное училище. Андрей ещё сомневался, удобно ли это, но приятель успокоил заявив, что в наше время контрабанду именно так и возят – в открытую и самолё-

том. Даже анекдот по этому поводу вспомнил: шмонает инспектор мужика с двумя чемоданами и рюкзаком:

«– Оружие ваше?

– Да, моё.

Наркотики Ваши?

Да, мои.

А доллары Ваши?

Э, нэт дарагой, эти доллары твои, дарагой!»

«Вальса» Андрей перед отъездом посадил на небольшую цепочку и просил с неё не спускать. Все же он кабель – начнёт по посёлку лазить, хозяина искать – порвать могут местные кобздохи.

ГЛАВА 5

Отдохнуть с дороги Андрею не удалось. На другой день после приезда уже ближе к ночи, дозвонилась из Сильвы Надя и с бабьими причитаниями сообщила, что «Вальс» ничего не ест. Как уехал Андрей, так он с тех пор и сидит голодный. Она много ещё чего пела про его настроение, поведение, про еду, которую начала отдельно готовить, специально для него. Сообщила, что муж вчера даже сучку от соседа приволок и в бане их на ночь запер, надеясь тоску собачью развеять. Вроде бы и смешно, а с другой стороны – что делать с собакой – ни с сучкой, ни без сучки, но не жрёт!

Андрей думал секунду, потом попросил, чтобы у собаки была всегда вода, два раза в день ему кололи глюкозу и закон-

чил так: «Держись Надя, я прямо сейчас выезжаю.» До поезда оставался один час.

Хорошо, особо собираться не надо. Больше всего занял инструктаж жене про товар, литовца и прочее. Как не спешил, но в пути есть время подумать, и он раз за разом вспоминал «Вальса».

Взял он его случайно, взял больше ради детей, а не для себя – время было напряжённое – стройка дома, начало ком-

мерческой деятельности, не до охоты. Да и про спаниеля он знал мало, т.к. раньше их не держал. Слышал и читал, что хороши они на утиной охоте, могут гонять зайца, кабана и даже лося. Собакой особо не занимался, больше дети дрессировали. И вырос щенок весёлым, компанейским, любил детей, гонял кошек, облаивал велосипедистов и коров, почти не дрался с собаками и вытворял разные штуковины, совершенно дивные для охотничьей собаки. Так, игрушка выросла домашняя. И натаскивал на уток Андреех его вместе с детьми, для дочери и сына это было и представление и развлечение. Кровь и гены взяли своё – погонял «Вальс» уток хорошо, плавал прекрасно и охотно. Но длинная шерсть на лапах мешала в водной растительности, и в ней он буксовал и тратил напрасно силы и энергию.

Попозже, взяв путёвку на притравку, уже без детей, но с кинологом они позанимались с «Вальсом». На законном основании нашли уток, «Вальс» их погонял. Одну отстреляли и начали отрабатывать подачу. Выстрелов «Валь» не – испугался, лез в воду за битой, но с земли не подавал. И из воды тащил только до берега. Находил в кустах подброшенную – но не подавал. Сколько не бились – не подавал, находили и облаивал, но к хозяину не тянул. Кинолог был мужик тёртый и когда перекуривали спокойно рассудил: охотиться сможешь, да и подача, возможно, проявится, когда он в охоте толк понимать начнёт. Можно попробовать на охоту с приятелем пойти и с его собачкой, вот конкурент

появится на добычу, «Вальс» и должен эту добычу к хозяину утянуть, отдать ему её на сохранение, от греха подальше. Только надо не упустить такой случай, похвалить, закрепить и должно пойти. «А вообще, что-то тут не так, – заключил он, – обычно у спаниелей врождённый анонс, кто-то его уже отучил от этого». И Андрей вспомнил, как между делом наблюдал игры детей с собакой – они кидали палки, игрушки, камни, а он всё догонял, ловил, находил и тащил им. Он им тащил, а они ,вновь бросали и он опять бежал. В какой-то момент «Вальс» нашёл игрушку, начал с ней играть, а у него её отобрали и бросили, он вновь нашёл, принёс поиграть – её вновь отобрали и отбросили. Три-четыре таких случая, и он уже не стал носить.

Андрей вспомнил, как ездил с собакой в первый раз на открытие охоты.

Накануне он сообщил, что собаку необходимо подстричь, чтобы не путалась в водной растительности.

Потом, когда дома никого не было, и никто не лез с советами спокойно укоротил шерсть.

Позже, когда его самого не было дома дети не стали отказывать себе в удовольствии – каждый по разику подстриг собаку. Жена увидела, но поздно, ужаснулась и немного поправила в основном морду и уши. К вечеру, после всех этих стараний, лохматый спаниель превратился в неаккуратно и неумело, но старательно стриженную овечку.

Сквозь минимум шерсти местами просматривалась кожа.

Со стороны посмотреть – смех, да и только вызывала собачка своим неказистым внешним видом. Да что там смех – откровенным и неудержимым гоготом встретила его компания охотников, когда он грузился на паром.

Много ещё чего весёлого и приятного вспомнил Андрей про собаку и щемящее чувство тревоги, вины перед ней пришло к нему. «Ведь надо – же как тоскует, даже от еды отказался!

Все же живое существо там загнуться может, пока он тут деньги куёт не отходя от кассы и не только люди будут гибнуть за презренный металл.

Но «Вальс» не погиб, Андрей успел вовремя, он даже внешне вроде не похудел вовсе. А радости, скулежа и взлаиваний при встрече было даже с избытком. И настолько неподдельной была эта радость, что едва не выдавила слёзы у совсем не сентиментального хозяина.

Теперь перед Андреем стояли две проблемы: одна – восстановление нормального, рабочего состояния собаки, вторая – как и где охотиться дальше.

Если для решения первой необходимо было время, то вторая заставляла крепко задуматься.

Как охотиться, ещё понятно – собачка находит птицу, облаивает её, хозяин по возможности незаметно подбирается и по возможности метко стреляет. Только где это будет происходить – совсем не ясно. Пришлось немного подсуетиться, помотаться по посёлку, побегать по полужнакомым мужикам,

кое-где гордость и гонор свой запрятать, так как общаться пришлось с людьми совсем малоприятными. Уже через третьих лиц и не на Сильве, а на Шмане достал он неучтённую мелкашку. Тут Гриша помог – местный участковый, он после второй бутылки про неё и рассказал, он и гарантом стал, что аренда нормально пройдёт и для Андрея, и для владельца ружья. Ну, ясно море, что не бесплатно гарантировал. Два вечера подряд, до поздней поры, рассматривал Андрей ксерокопию карты, выбирая участки будущих охот.

Да карта что – бумага, Иван Андреевич Крылов как учил: «Гладко было на бумаге да забыли про овраги». А тут не овраги, тут тайга, как каракумы – пойдёшь, не вернёшься хоть и оврагов не будет. Да и время опять же – осень в разгаре, в любой момент снег пойти может. Это осенью любой кустик ночевать пустит, и у костра переночевать можно ради романтики, и чтобы ума прибавилось – каково осенью на Урале у костерка ночевать!

Выбрал Андрей для себя три участка, в плане эти участки представляли треугольники с ясно выраженными границами: узкоколейкой, рекой, просекой заброшенной, усом узкоколейки и тому подобное.

Прикинул, где примерно в середине участка ставить себе жилье. Тут тоже пришлось хитрить: избушку одному рубить – на неделю работы, да и надорваться можно на такой работе, да и не к чему ему изба. Он был, да сплыл, для кого стараться? А в шалаше-балаганчике, веточками крытом или в палатке тряпичной мокрой и холодной осенью, толком не отдохнёшь. Двое суток пропадад Андрей на первом участке, оборудуя себе жилье. Первый день ушёл на то, чтобы до места добраться, на ночь обустроиться и стройматериал заготовить. Зато весь второй день с раннего утра и до позд-

него вечера вкалывал Андрей как проклятый.

Разик утром чайку попил и весь день на сухпайке- сало, чеснок и хлебушек.

Строил он вигвам – индейскую палатку – гибрид летнего шалаша, что делают на покосе, и циркового балагана. Про подобную конструкцию он прочитал в охотничьем журнале для использования в качестве жилья при весеннее-осенних охотах на уток.

Андрей любил охоту с подсадной уткой, сам держал подсадную и для таких охот поставил в нескольких укромных местах подобные вигвамы. Каждый раз возводя жилье он вносил в стройку что-то новое и в конце концов от журнального варианта осталась только идея. Самое трудное при постройке- это поставить основу – 4 толстеньких и ровных кола, чтобы получилась пирамида вроде египетской. Андрей ставил их парами, используя подпорки, выкапывая ямки под нижний конец и связывая парашютной стропой верх. Но, несмотря на все эти ухищрения, небольшой опыт и сноровку – мучений хватало, нервов и матюгов при все этом он не жалел. Обиднее всего, что работа простая и её вдвоём делать – плёвое дело, а для одного она превращалась в цирк.

Но, выполнив этот номер, можно было смело утверждать, что самая трудная половина дела сделана. К этим четырём кольям ставились ещё четыре по- тоньше, а затем надо было копать. Сначала аккуратно снять грунт внутри восьмигранной пирамиды, а затем копать внутри яму. Лопатка у Андрея

была небольшая, чуть больше сапёрной и работа была проста, но длительна. В армии говорят в таких случаях: «Будем копать отсюда и до обеда».

Зарываться приходилось почти на метр, а яма превращалась в квадрат 2,5х2,5. Заключительная часть работы проходила уже снаружи и состояла в возведении «стен». Колья Андрей брал еловые, ёлки выбирал пушистые и тщательно их раздевал -убирал ветки. Затем эти ветви с добавлением новых вставлял между кольями – оплетал основание пирамиды.

Делать надо было все старательно, ветви укладывать плотно друг к другу. И уже на эту корзину класть дёрн травкой внутрь жилища. Утеплять стены землёю, что оставалась от ямы. Если все делать аккуратно, то получаемое жилище имело углубление в грунт, затем насыпные стены и брезентовую крышу. Этот кусок брезента был самой важной деталью вигвама так как имел карманы, которые можно запихнуть как полы одежды или распахнуть – регулируя таким образом тягу, то есть наличие тепла внутри, а значит и возможность нормально обитать. Вот почему Андрей, кроме подсадной утки, брал с собой на весеннюю охоту такой кусок брезента. Анализируя положение с жильём на участках, он в целом был доволен, за неделю с небольшим удалось возвести 3 вигвама и стояли эти пристанища примерно в середине каждого участка. Следующая неделя была посвящена заготовке дров. На втором участке получилось удачно – там рядом с жильём

оказалась заброшенная лесосека и валялись готовые, но так и не вывезенные до конца хлысты. Один эту работу Андрей не потянул, пришлось подключить мужика из местных с интересной погрехомой – «Коля-депутат».

Коля, он чем хорош, он не охотник, ему эти шалаши в тайге- без надобности, сегодня увидел – завтра забыл. Правда не пьёт, пришлось деньгами рассчитываться, он ради колыма, ради реальных денег, а не мистических услуг или поллитровок таскался с Андреем по его участкам. Но так может и лучше, у каждого свой интерес – один бензопилой чурки пилит, другой эти чурки топором рубит – тебе нужны деньги, а мне дрова в тайге.

Правда, мужики с тепловозной бригады в волю насмеялись, всю дорогу до места подкалывали – ближе к посёлку мест не нашли где дрова заготовливать? Андрей как мог отшучивался, а Коля молчал, ему что – ради колыма и в Москву можно съездить дров заготовить, лишь бы платили, семья большая и лишних денег в ней не бывает.

Вроде нормально всё прошло, есть участки, жильё и дрова. Беспокоила крыша – самому пришлось из брезента кроить и шить самому, а всё наспех без примерки, на глазок. «Ну, там на месте видно будет, поправим если что», – решил он. Осталось сходить в баню, напариться всласть напоследок и начинать свой промысел.

Охота началась. Первые два дня Андрей ещё по инерции суетился, беспокоился, вспоминал, что он не доделал, не успел. Эти дни прожил он в постоянном напряжении – вот сейчас что-то случится, возникнет проблема и надо будет срочно, в лихорадочном порядке её решать.

Потому как впереди промысел и там на это времени не будет. Там надо будет охотиться, делать то, ради чего всё и затевалось, надо будет это время превращать в деньги. Два дня он не жалел ни себя ни собаку, шарахался по участку и хоть и была добыча, всё считал, что место неудачное.

И что надо бы начинать не с этого болота, а попробовать в другом конце или вообще на другом участке. И только на третий день, выйдя к реке, к границе участка он опомнился. Река была под ним, она была довольно широка в этом месте и течение воды почти не было заметно. Тёмная, чёрная вода совершенно спокойно, по-хозяйски вольготно расположилась между берегами. И была эта вода идеально гладкой

так как место было глухое, берега стояли стеной из крепких, прочных деревьев.

И ветер сюда не мог прорваться, он гулял где-то вверху, у макушек.

Андрей вышел к реке и посчитал вначале, что наткнулся на лесное озеро. Присел, достал копию карты и стал искать на ней озеро. Искал и не находил. Должна была быть река, та самая Сильва, которая и дала название посёлку, а вовсе не увлечение гулаговского начальства опереттами Кальмана.

Всматриваясь в озеро и не находя, где сходятся берега, он понял – это река и именно та река, что и должна тут быть. Он встал, успокоился и ещё раз осмотрелся, опять увидел воду и деревья на берегу, но все уже было другим так как он не лихорадочно оглядывался, сравнивая местность с картой, а именно увидел окружающий его мир в спокойном душевном состоянии. Увидел и оторопел. Тёмная, тяжёлая гладь воды была идеальна, ни что, даже слабое дуновение ветерка не морщило эту поверхность водного зеркала, в котором застыли и не двигались отражения облаков и огромных деревьев. Это был миг покоя, миг, в который Андрей понял всю свою ненужность здесь. Он как-то враз почувствовал, что тут человек -лишний. Есть земля с растущими на ней деревьями, есть вода, отражающая эти деревья и окружающий её мир, и они существуют давно, были и до Андрея и будут после него, будут вечно существовать в той гармонии, в том первозданном виде, в котором сотворил их создатель. А че-

ловек, с его вечным стремлением всюду сунуться, всё поправить, улучшить, превратить деревья в пиломатериал, землю одеть в асфальт, а воду подкрасить мазутом.

Он тут будет только мешать.

И Андрей присел прямо тут же где и стоял, на эту пока ещё живую и не обгаженную цивилизацией землю, скинул рюкзак, ружье, утреннюю добычу и стал чего-то ждать уставившись в воду. Вскоре прибежал «Вальс» и не поняв ситуации, слегка повозившись, лёг рядом. Андрей откинулся на спину, на него сразу навалилось голубое небо, слегка надавило и он раскинул руки. Под левой оказались перья добытой птицы, а под ладонь правой сунулась собачья морда с мокрым носом. Он вздохнул, всё было нормально, именно так, как и должно было быть, было ясно, просто, понятно и спокойно. Покой был в окружающем мире в беспокойной человеческой душе. Захотелось читать вслух хорошие стихи про природу, обязательно громко и с выражением. Но это был человек своего века, раб телевизионной культуры: «Нормально, Григорий? Отлично, Константин!», – заорал Андрей в небо, затем качнул обоими ногами к голове и резко вскочил. Пёс также вскочил и виляя всем своим небольшим тельцем и особенно активно куцым хвостиком, смело взглянул в глаза хозяину.

Уж он то точно знал, что надо делать – надо бежать в лес, искать птицу, звать лаем хозяина, отвлекать её внимание при его подходе и ловить давить, трепать, душить, когда она сва-

лится с дерева. Вот и вся охота.

ГЛАВА 7

День стал начинаться как в авиации – с метеосводки, погода определяла план на день. В лётную – Андрей быстро собирался и уходил на охоту. В ненастье томился в своей пирамиде. Стояло самое неопределённое время – предзимье. Прекрасное утро могло смениться дождливым полднем и закончиться мокрым снегом. Андрей обнаружил, что стал способен чувствовать погоду вперёд. Видимо, эта жизнь в постоянном контакте с природой обострила или восстановила утраченные инстинкты, те самые чувства, которыми жили наши предки в далёкие, первобытные времена, когда жизнь была борьбой за существование и в этой борьбе на первое место выходили: инстинкт самосохранения, мгновенная реакция и жизненный опыт. Конечно, жизнь и в современном, цивилизованном мире требовала подобного в не меньшей мере, но, пожалуй, в других формах проявления, и Андрей заметил, что на многие вещи он смотрит по-особому. Выходя на очередную вырубку, просеку, край болота он бросал беглый взгляд и мгновенно оценивал, схватывал всю ситуацию с точки зрения именно охотника. Совершенно бездумно он определял- откуда может сорваться глухарь.

И почти не напрягаясь готов был мгновенно отреагировать, пресечь выстрелом эту попытку. С собакой они уже представляли одно живое существо – гигантская щупальца

этого существа неторопливо и деловито обшаривать местность в определённом направлении и когда находило добычу, спокойным лаем подтягивало к ней свой разящий орган. Совместная охота сама выработала определённый алгоритм действий.

Где для Андрей главным было суметь подобраться так, чтобы собака увидела его раньше глухаря, даже не увидела, а почувствовала это каким-то невероятным образом. Тогда «Вальс» начинал проявлять активность, азартно старался отвлечь на себя внимание птицы.

Он даже отбегал, менял место заставляя её топтаться, разворачиваться, двигаться, помогая таким образом Андрею удачно выстрелить. Контакт с собакой был полный, настолько полный, что человек, пожалуй, и не удивился бы, если бы собака заговорила по делу. А чему тут удивляться, если он с собакой с самого утра вёл постоянные разговоры? В начале о погоде и планах на день, затем обязательное обеденное чаепитие с анализом утренних охотничьих подвигов, а вечером шли монологи о политике, правах молодёжи, современном кино или хоккее. Все чаще и чаще Андрей вспоминал семью, эпизоды совместной жизни с женой, разбирал конфликты, призывая в свидетели собаку. «Нет, ты вот сам посуди, разве она правильно сделала, – так обычно он начинал свои воспоминания. Затем излагал суть дела и все чаще и чаще ловил себя на мысли, что собака понимает его. И вот-вот что-то скажет: согласится или возразит. «Пожалуй, так и тронуться

можно», – проскакивало в голове у Андрея.

Становиться жутковато. В такие неприятные моменты он резко менял тему беседы, иногда этому помогал приёмник – сообщал очередную новость и это заставляло реагировать. Иногда Вальс выступал в роли конкретного собеседника.

Так на сорокалетие Вячеслава Фетисова хозяин пристал к нему с конкретным вопросом: «Нет, вот ты мне ответь – чего ты в страну не возвращаешься? Ну, я могу тебя понять, когда ты снял майорские погоны и уехал к ним деньги клюшкой грести.

Могу понять, когда вы там за кубок Стенли друг дружке морды в кровь бьёте, хрен с ним, почти понимаю, что трудно оставить благополучный колбасный край и возвратиться в родную, но

бардачную страну, ладно. Ты другое скажи – как ты можешь Джонов, Биллов, Стивов учить силовым приёмам прекрасно зная, что они, гады эти наших же ребят будут по бортику размазывать благодаря твоей науке? Ведь твою же родню, ну пусть далёкую, знаю я, что брат твой погиб, другие родственники живы – вот и будут эти мордovorоты давить их на чемпионате мира или олимпиаде. Ну, неужели тебе все денег мало», – укорял он собаку. От тоски, одиночества, нехватки общения с людьми психика начинала давать сбои, он заводился, начинал злиться, и собака это чувствовала. Она пыталась виновато вилять обрубок хвоста и отворачиваться, убежать взглядом. Это заводило Андрея ещё больше,

и он по-настоящему злился на собаку. Обычно такие конфликты возникали от вынужденного безделья в ненастные дни. Андрей понимал, что спастись надо работой и выдумывал себе проблемы. Так в один из ненастных дней он задумал стирку, но до конца все не продумал и больше мучился и злился, кипятя воду в мелкой посуде и пытаясь высушить мокрое белье. Собаке в тот дань тоже досталось.

Стирка закончилась собачьей баней, а вечером пришлось держать ответ за все деяния Фетисова. В другой такой же ненастный и оттого несчастный день Андрей переделал все, что смог придумать: заштопал одежду, попробовал отремонтировать обувь, сделал ревизию охотничьих припасов и продуктов. Но как не развлекал себя работой, нахождение в полумраке ямы давило, а перспектива нахождения в ней весь день – угнетала. Он начал психовать, брался делать обед и бросал, решил сходить на охоту – но только промок и еще больше расстроился и в конце концов завалился спать. Но уснуть не смог и начал приставать к собаке с разговорами. Теперь ей пришлось держать ответ за Горбачёва. «Нет, ты мне ответь, как на духу, – начинал Андрей, – какой ты к черту руководитель страны, если тобой баба твоя как хочет, так и вертит? А? А после событий в Тбилиси ты что пел – я прихожу утром на работу, а мне докладывают, что в Тбилиси были выступления, что есть жертвы, ну, вы знаете я очень возмущался, ну, как такое стало возможным, поверти, сам возмущался.» Спаниель не любил конфликты вообще,

а с хозяином тем более и старался соглашаться с ним, приняв смущённо-виноватый вид. Правда не всегда это помогало. Не нравились псу такие разговоры, такой прилипчивый хозяин и такое времяпрепровождение. Он согласен был и сейчас в ветреную погоду с мокрым снегом шариться по тайге, искать и находить уже хорошо знакомых ему глухарей и тут он забывал, что не любит конфликты. Он многому научился сам в процессе охоты.

Высоко выпрыгивать из надоедавшей и мешающей травы, аккуратно и негромко взлаивать, копаясь в набродах, усиливать активность при подходе хозяина к пока ещё живой добычи. Да разве все перечислишь? Каждая встреча с птицей полна неожиданностей и результат тут неизвестен. Как быть, если крупный петух упорно не хотел покидать понравившееся ему клюквенное болото? Он старательно кружил, затаивался, убегал и в конце концов, выжатый в еловый подрост на краю, нахально и нахраписто бросился навстречу собаке громко щелкая клювом и широко расставив крылья? А другой наоборот испуганно срывался с дерева, стоило чуть громче гавкнуть. Как удержать его до подхода хозяина? А бывали ещё непонятные моменты, когда сам охотник в последний момент громко хлопал в ладоши или свистел, но не стрелял, а провожал птицу словами «Сто грамм за дам». И хоть «Вальс» многому научился, в последнее время стало трудновато: стало много воды, она скатывалась, двигалась и не держала запах, ветер рождал шум и не да-

вал слушать, снег мешал передвигаться и набивался в комки между пальцами. А тут ещё правое ухо беспокоит.

После чая наступило время возвращаться домой. Впрочем, настоящий дом был далеко – в Белоруссии, сначала был вигвам, в котором Андрей не торопясь собрал вещички и переночевав в последний раз, как он наивно верил в таёжном, медвежьем углу, он снежным и холодным утром стал возвращаться в другой дом. Похоже действительно тот глухарь становился последним, дембельским.

ГЛАВА 8

События в жизни чаще всего развиваются не в соответствии, а вопреки воле человека. Вот и сейчас, после возвращения из тайги Андрей на себе почувствовал давление жизненных обстоятельств. Надежда, жена приятеля пожелала навестить

свою приятельницу – жену Андрея и съездить за границу – в Беларусь. Ей крайне необходимо было хорошенько встряхнуться и проучить своего супруга и самый лучший способ сделать это – покинуть его на некоторое время, оставив наедине с печкой, приготовлением пищи, стиркой и массой других бытовых неприятностей. Андрей поговорил по телефону со своей женой и выяснил две для себя важные вещи -первое, жена мягко и вскользь признала, что была неправа, когда он затевал весь этот таёжный бизнес. И второе, возникло это признание потому, что в дом пришли хорошие реальные деньги – литовец рассчитался разом почти

за все, Жена сказала просто «Вспомни, ты же сам говорил, что делаешь это ради нас, ради семьи, ради наших детей. Ну, потрудишься ещё немного». И сразу пропали готовые сорваться с языка резкие слова о возвращении, об усталости, смертельной тоске и прочем. Что делать если мир так устроен, мужчина должен содержать семью, быть добытчиком, тогда его любят, ценят, уважают.

«Надо, Федя, надо», – сказал он сам себе после разговора с женой.

Это самое «надо» заставляет мужиков вкалывать в угольном забое, болтаться в море, мёрзнуть в тайге, да и под пули лезть иногда.

Воля жизненных обстоятельств развернула Андрея на 180 градусов и могучим пинком вернула опять в тайгу. «Чего хочет женщина, того хочет сам бог» – успокаивал себя Андрей, прикидывая, что теперь делать. Ясно, что домой вместо него с товаром поедет Надя, ясно, что ему возвращаться в тайгу, на третий участок. Но вот только, что там делать непонятно. На дворе зима, хотя по календарю еще осень, в тайге снега – море, про спаниеля можно забыть и не вспоминать, а о хорошей лайке, на глухарях помешанной только мечтать. «Ну, это, мужик, твои проблемы», – говорила в таких случаях жена Андрея. «Ну, пёс, это твои проблемы – сказал он в свою очередь Вальсу, – вытягивай лапки, сокращай уши, становись лайкой», затем пристегнул собаку на цепочку и пошёл в поселковую баню. После бани за-

шёл в магазин, взял бутылку водки и пошёл в гости. Пройдя половину пути, вернулся за второй бутылкой и намного смелее и увереннее себя чувствуя пошёл в гости к местному известному браконьеру. Там пришлось ещё раз помыться уже в хозяйской бане, крепко выпить и все рассказать Кирше, так звали мужика. А что делать, тут целая психология – ты хитришь, правду мне не говоришь, а в ответ правду хочешь? Кому приятно сознавать, что его за дурачка держат? Кирша долго и в своё удовольствие по-разному повыпендривался перед Андреем.

Конечно, понять его можно – к нему, бывшему жулику, отбывшему срок за групповое изнасилование и побоявшемуся в родные края возвращаться, пришёл хоть и бывший, но «мент» и просит у него совета.

Где и когда представится еще раз такая возможность всласть повыпендриваться? Андрей весь этот спектакль сразу понял, но терпел – почуял, что Кирша помочь сможет, надо только вытерпеть, не сорваться самому на грубость, не попасться на провокацию и добиться своей цели – узнать, как добывать глухарей с минимальными затратами в условиях зимней снежной тайги, да ещё и без собаки? Кирша был изгоем в преступной среде, и в среде нормальных людей – в старые добрые времена воровская кодла с неприязнью встречала новичков с таким грузом – групповое изнасилование девочки-подростка с отягощающими последствиями. У многих на воле ещё были семьи и в них росли дочери.

Жулики подобные Кирше были всегда и о всем виноваты, их все лупили и при первой же возможности опускали – использовали в качестве женщин. После отбытия срока Кирша долгое время жил при колонии. На Сильву его не пустил местный участковый: «Здесь по улицам наши дети в детский сад, в школу ходят, и ты хочешь по посёлку болтаться? Со своей статьёй? Мужики встретят – на запчасти разберут, и я им в этом помогу!»

Жизнь изгоя нелегка, и чтобы просто не сдохнуть с голода Кирша начал обижать тех, кто слабее – он разорял гнёзда, искал и ловил, давил молодняк зайцев и птиц.

Осенью приспособился сбивать их с рогатки, а зимой ловить петлями. Затем уже вольным связался с местным стариком алкашом и вдвоём они уже браконьерничали по-настоящему.

Старик много умел, но не мог, а Кирша хотел, но не знал, как взять добычу без особого шума и пыли. Вдвоём они хорошо приспособились ставить петли даже на лосей и на медведей, а мелочь добывать силками, кулёмами, давилками, плашками. Добычу проедали и пропивали. Вскоре старик умер, но Кирше он уже и не был нужен. Ему уже никто не был нужен, он уже приспособился к этой жизни. Шли годы, постепенно менялась жизнь – многое забывалось, Кирша перебрался в посёлок, завёл семью, менял работу, но все эти годы ловил и давил зверье и птицу – и делал это во все времена года. С годами приходил опыт и твёрдая уверенность,

что именно так он может отомстить всему остальному миру за свою искалеченную судьбу – вы меня унижали, а я у вас зверей буду убирать, все вам меньше достанется. И протухали в его петлях лоси, ушел сатанея от боли и круша все на своём пути медведь, ушел, оставив в петле снятую как чулок шкуру с лапы. Много чего подобного было за Киршей, но был он осторожен и хитёр и поймать его не могли, да никто и не ловил, дичи много, на всех хватит!

С годами Кирша поумнел, под старость даже стал добрее – жизнь у него стала похожей на жизнь нормальных людей – появились уже внуки и достаток в доме и злость на окружающих стала проходить. Стал он совершать вещи на которые совершенно не был способен в начале вольной жизни.

Жена, существо крайне забитое и совершенно лишённое права голоса прежде, теперь все чаще и чаще этот голос на него повышала.

А он молчал сам себе тихо удивляясь, соседи по нужде обратились -помог, тут «мент» ещё этот совет просит – решил помочь, по-людски пришёл, с пузырьрём.

ГЛАВА 9

На следующий день Андрею было очень нехорошо. Две бани подряд, две бутылки без хорошей закуски, а самое главное – отсутствие положительных эмоций и постоянная головная боль, как охотиться дальше, превратили мозги в расплавленный свинец и при малейшем движении этот свинец

начинал неудержимо штормить в черепной коробке, обжигая её стенки и выплёскиваясь наружу почему-то через желудок. Андрей нашёл в себе силы и добрался до Кирши, который пообещал поутру показать ему глухариную погибель при полном отсутствии человека.

Здоровенный молоток изображал глухаря, частокол изгороди изображал деревья в тайге, в углу, вблизи сортира два участка забора соединяло сооружение похожее на брусью. Примерно с середины верхних брусьев свисала красная тряпка – это была гроздь рябины. «Смотри, – сказал Кирша, – здесь и здесь ставишь петли, глухарь лезет к рябине и вот...». Андрей посмотрел, как молоток глухарь проковырял по нижней половинке брусьев, сунул свою железную тяжёлую башку к тряпке-рябине и повис раскачиваясь своим деревянным туловищем. на тоне Шторм в голове не проходил, мешал работе воображению направляя все мысли в магазинном направлении.

Кирша его понял и принёс из дома бутылку вина. Опохмелялись на природе, в воображаемой тайге. От дешёвого вина, которое Андрей раньше практически не пил, а скорее всего от сортирного, совсем не воображаемого таёжного запаха его начало рвать. Кирша спокойно курил, наблюдая со стороны за процессом выздоровления собутыльника. И, странное дело, через некоторое время Андрею стало лучше, в организме наступил полный штиль и полная идиллия, он стал хорошо соображать и начал задавать вопросы.

«Самое главное, – поучал старый браконьер, – это заставить его идти к рябине по нижней жёрдочке, на верхней или сам веточки оставь или пристрой что-либо, смотри по месту, главное, запустить его по нижней, понял, и размер держи верный у петли и между жердями. Представляй сам как он идти будет, где примерно его голова и как петельку приспособить. Место тоже большую роль играет. Прежде чем ставить попробуй найти где он кормится, где ночует. Убедись сначала, что есть он здесь, а потом уже ловить пробуй. Привлечь попробуй, клюкву сыпани вблизи. Да и вообще -сам соображай».

Андрей уже соображал, сидя на корточках перед самолетом, упёршись взглядом в жёрдочки он старался представить весь объем работ, связанных с таким способом добычи глухарей. Надо будет старательно и внимательно обшарить весь участок.

Определить примерный район обитания птицы, соорудить в этом районе ловушку и лучше не одну и периодически их посещать, надеясь на удачу. Пожалуй, самое главное, но и самое трудоёмкое – это найти следы пребывания и определить место обитания птицы.

Андрей ушёл от Кирши, завалился на диван в доме приятеля и выздоравливая от пьянки, строил планы на будущее.

ГЛАВА 10

Выражаясь официальным языком аббревиатура «ДПНК»

означает: дежурный помощник начальника колонии, жулики расшифровывают эти буквы на свой манер: днём – пидор, ночью – козел. Должность эта беспокойная, настоящий "ДПНК" придирчив, въедлив, строг и настойчив в наведении порядка среди осуждённых, поэтому неудивительно, что так обидно они обзывают "ДПНК". В тот вечер дежурным помощником по колонии №19 был начальник отряда сержант внутренней службы Ивонин. Для работы в тюрьме требуются определённые качества характера, хотя бы простая человеческая смелость. Для работы в отделённой колонии-поселении, где жулики большую часть времени предоставлены сами себе, эта смелость и решительность необходимы вдвойне. Всем этим Ивонин обладал, но кроме того был ещё злопамятен и жутко властолюбив. В целом обстановка в колонии была контролируемая и управляемая, благодаря усилиям немногочисленного, но дружного коллектива администрации.

Смело идущего на конфликт с жуликами и систематически обламывающего рога любому из них. Да иначе им там было и не прожить.

После ужина на кухне Ивонин обнаружил пятерых поселенцев, употребивших спиртные напитки. Бражку гонят даже на подводных лодках, а спиртное космонавты ухитряются доставлять даже на корабль, а в колонии, где летом собирают ягоды, варят варенье, сами выпекают хлеб, есть дрожжи – случаи с бражкой не такая и редкость.

Ивонин обнаружил группу поддатых жуликов очень своевременно, он опоздал на считанные минуты, изъял вонючие кружки и пластмассовую канистру с наибольшим остатком бражки. Обычно этот хмельной напиток легко усваивается в небольших дозах, он хорошо «бьёт по шарам», но на недолго. Именно на такой непродолжительной и незалётный балдеж компания и рассчитывала. Иногда такие выпивки проскакивали незаметно, чаще- выпивохи попадали в штрафной изолятор и затем следовали разборки. Одно правило, неписанное правило чётко соблюдали обе стороны: умная и опытная администрация старалась тихо, незаметно и по возможности без лишнего шума и конфликтов изолировать нетрезвых осуждённых от остальной части поселенцев, при этом стараясь не поддаваться на провокации. Жулики, в основной своей массе и вне зависимости от степени опьянения, крепко помнили, что буреть можно до определённой черты, перейдя которую можно легко и крайне губительно для своего организма попасть «под молотки».

В тот вечер обе стороны нарушили это правило и сначала Ивонин стал орать, завёлся, распсиховался.

Начал толкать и пинать «жуликов», собирая из них колонну для похода в штрафной изолятор. Те, в свою очередь, стали уклоняться от его пендалей и попытались разбежаться. Путь из кухни был один и на этом пути стоял рассвирепевший и совершенно потерявший контроль бесстрашный Ивонин. Драка вспыхнула мгновенно, непродолжительное время

шла на равных, а затем перешла в избивание представителя администрации. Закончилась она, когда нападавшие выдохлись физически, а тело Ивонина перестало дёргаться и хрипеть. Драка закончилась групповым побегом-попыткой избежать ответственности за содеянное.

ГЛАВА 11

Андрей собирал урожай на своём третьем участке. Раз в три – четыре дня он добирался на тепловозе до речки, шёл

по ровной, снежной целине до своего вигвама и усиленно его протапливал, а затем ночевал и весь следующий день лазил по участку, проверял ловушки, иногда делал новые. Ночевал в ещё не успевшем остыть жильё и возвращался в посёлок. Дела шли с переменным успехом и неизвестно, чем бы все закончилось, но Андрея сгубила форма. Он совсем не собирался воевать с глухарями зимой и пришлось брать у приятеля поношенные бушлат и шапку. Кокарду и звезды с погон он не снимал – какие в тайге патрули, кто спросит за нарушение формы одежды.

Начальнику Червинского РОВД п-ку милиции Потапову Г. В.

Рапорт

Довожу до вашего сведения, что мною, капитаном милиции Рыжовым Г. И. обнаружен 26 ноября текущего года в тайге труп мужчины. Обстоятельства обнаружения следующие: 16 ноября ко мне обратился п\п-к вн. сл. Светлов Г. Т. с просьбой организовать поиски его знакомого охотника, не вернувшегося с охоты 15 ноября, как было договорено. Прождав еще сутки, я решил съездить в район возможной охоты с гражданином Васюковым, т.к. он эти места хорошо знает – заготовливал там дрова. 26 ноября, утром мы выехали на тепловозе и добрались до пересечения реки Сильва с ж\д мостом.

Организовали поиск следов пропавшего охотника вверх и вниз по реке.

И примерно в 14 часов нами был обнаружен шалаш, а примерно в 8 метрах от него на северо-запад, на дереве труп повешенного мужчины. Руки у мужчины были связаны, на лице были следы от побоев, а в нагрудном кармане бушлата был обнаружен тетрадный листок со словами: «Ментам собачья смерть. Всем!!!». Рядом с мужчиной на дереве висел труп собаки породы спаниель. Гражданин Васюков Н. И. опознал в повешенном разыскиваемого нами охотника – гражданина Хлебникова Андрея Сергеевича.

Вероятно, группа ушедших в побег поселенцев, натолкнувшись на стоянку охотника, и сумела захватить его врасплох. Судя по кровоподтёкам на лице они сначала избили его, а затем повесили. Собаку же убили раньше и вешали уже убитую т.к. в его пасти обнаружены куски ткани, вероятно, из одежды нападавших, а хребет перерублен в районе передних лап, вероятно, топором.

Мною составлены схема и протокол осмотра места происшествия, сняты письменные показания с опознанием с гражданина Васюкова Н. И., которые прилагаю.

Участковый инспектор
Капитан милиции Рыжов

ЭПИЛОГ

Литовец, который совершенно случайно попал в дом к Андрею и также случайно увидел то чучело глухаря и из-за которого и началась вся эта история, считал себя порядочным человеком.

И все же мысленно искренне сокрушался и жалел, что так удачно начавшееся дело так быстро и совсем не вовремя закончилось. Только сумел наладить поставку чучел за кордон, а тут... «Надо же, только увидел живые деньги и такой облом». Он не поехал к жене Андрея, а нашёл чучельника и посочувствовав, и повздыхав, для вида, решил дать денег для компенсации части похоронных расходов. Мастер-таксодермист их взял. Все это происходило на улице, возле дома и разговор, и передача денег. В самый ненужный момент налетел порыв ветра и вырвал купюры из рук. Для солидности хитрый предприниматель собрал кучу из мелких долларов, бумажки взмыли в верх, разлетелись и часть их пришлось ловить в воздухе. «Вот, блин, летают как живые, как с крыльями, – чертыхнулся он. Собеседник хмуро согласился. Ему предстояло тоскливое и печальное дело – передача этих крылатых баксов жене Андрея, и он уже внутренне настраивался на неприятный разговор.

Сказки бабушки Агафьи

Хитрая невеста

В большом шорском селении, которое стояло на берегу реки Кара- Чумышь, в одной семье из рода горностая жила очень красивая девушка. А звали её Анна. Сначала Аня думала, что она такая же, как и все остальные девчонки, но подросла, стала невестой и увидела, что она очень красивая, самая красивая невеста в их селении. И загордилась.

Стали мать и отец ей жениха подбирать, но она на всех парней смотрела с висока и всем отказ давала. Тогда отец с матерью её упрекать стали, они уже состарились, ей скорее надо замуж, надо, однако, чтобы муж её кормил и им помогал. И тогда она им ответила, что сама найдёт себе жениха, она самая красивая и жених у неё будет самый лучший и добычливый охотник.

И в том же селении жили – были два друга: Андрей и Сергей. Они подружились, когда были мальчишками, росли и только крепче дружили. Совсем как братья стали, всё вместе делали: на рыбалку вместе, в тайгу на охоту вместе, на гулянку к парням и девушкам тоже вместе. Обоим им очень нравилась Анна, но они договорились, что свататься к ней пойдут вместе и кого она и выберет – так и будет. Поклялись, что другой обиды на друга держать не будет и дружить будут по-прежнему.

Но Аня оказалась невестой не только красивой, но и хит-

рой. Когда пришли к ней Андрей и Сергей она очень обрадовалась, знала, что охотники они хорошие и удачливые. И выставляла условие- кто из них больше рыбы поймает, за того она и выйдет.

Пошли друзья на реку рыбу ловить. Но сделали по- своему- ловили рыбу вдвоём, потом честно разделили пополам и пришли к Анне. Та, поохала- поохала, обрадовалась, что так много рыбы и хитрить стала.

Друзьям говорит: «Не могу определить, у кого рыбы больше – у Сергея или у Андрея.» Те ей отвечают, что рыбы одинаково и того и у другого.

Рассказали, что ловили вдвоём и честно делили пополам. И всегда так делать будут, потому, что дружба их крепче самого крепкого камня. А она пусть выбирает того, кто ей больше по душе и сердцу. Но Анна была не просто красивая и хитрая, она была ещё и жадная. И дала им новое задание – добыть каждому по глухарю. Чья птица будет крупнее – за того и выйдет замуж. Ушли друзья в тайгу на охоту, опять вдвоём ушли. Вместе. Отец и мать Анне: «Ты зачем так нехорошо делаешь? Нельзя так, жадность и хитрость до добра не доведут.» Но та с ними разругалась, показывает, как много рыбы у них теперь есть, а скоро и мяса будет много. Придут Сергей и Андрей с глухарём, а я им опять скажу – не пойму, чья добыча больше, опять идите в тайгу теперь за лесным оленем –кабаргой, кто большего добудет, за того и выйду. Так она и делала. Уже все люди в селении

говорить стали как нехорошо она делает. Но в душе и Анны хитрость и жадность поселилась и остановиться она не могла. И носили ей Сергей и Андрей свою добычу- за глухарём и кабаргой, были лоси, шкурки белок и рысей. Но когда она сказала им принести по медвежьей шкуре – парни задумались. Камень и тот трещину даёт, если его сначала в костре разогреть, а потом холодной водой облить. Так и их дружба дала трещину. Заспорили парни, ведь медведь зверь серьёзный- хозяин тайги. Прежде надо хорошо подумать.

Стал Андрей Сергею говорить, что не надо им на медведя ходить, вдруг медведь заломает одного из них, погубят они свои молодые жизни, да и обманет опять Анна, нет уже у него к ней веры.

А Сергей горячится, говорит, что они даром что молодые, но охотники смелые и опытные. Добудут большого медведя, принесут Анне его огромную шкуру и скажут, чтобы выбирала любого из них, они всегда и всё делали вместе, и так всегда будет, потому что клятву они такую дали. А она пусть любого из них сейчас выбирает, иначе больше они для неё и пальцем не пошевелят. Но Андрей не соглашается, предлагает на медведя не ходить, а сейчас к Анне идти, пусть сейчас решает. Тут уже Сергей не соглашается. Худо дело, сколько себя помнили, никогда парни не спорили и не ссорились, собаки их и те промеж себя не грызлись, а тут каждый на своём стоит. Так они и не договорились и пошёл за шкурой медведя Сергей один. А Андрей в селении остался. Волнуется за друга, себя ругает, что не отговорил Сергея и что сам с ним не пошёл. Плохо, скучно и одиноко ему одному. А когда уже не стало сил бороться с тоской свистнул он верного своего пса и ушёл в тайгу искать друга. И вовремя пошёл потому что беда случилась с Сергеем – трудно в одиночку победить крупного медведя. Заломал сильный зверь молодого охотника, только отважный пёс ценною своей жиз-

ни спас своего хозяина от гибели. От полученных в схватке с медведем ран умирал в своём зимовье Сергей.

Но тут Андрей пришёл на помощь другу и спас его от верной смерти. А когда вернулись друзья в своё селение, то рассказали, как хитрая и жадная невеста рассорила их между собой и как чуть не погиб один из них из-за этого. Отвернулись все от неё, никто больше к ней не сватался.

Не нужна никому такая жена – хитрая да жадная, хоть и красивая. Доживала она свой век в одиночестве без стариков родителей, близких родственников и милых деток.

Волшебная плётка

В одном большом шорском селении, что было расположено на слиянии рек Томь и Усса и принадлежало к роду священного белого лося, дружно и мирно, как хорошие соседи, жили две семьи. Мужики вместе ходили на реки ловить рыбу, а когда созревал кедровый орех – шли в тайгу бить шишку, а потом уходили на охоту за мясом и пушниной, потому что участки их были рядом и вместе добираться до места легче. На промысле они помогали друг другу: уберегали от шатуна, разбирали следы и ходили в гости по-соседски. Их сыновья учились всему у отцов и также дружили. А звали мужиков – Пётр и Павел, а сыновей звали Вася и Ваня и были они ещё совсем мальчишками. Их жены вели домашнее хозяйство и также помогали друг – дружке: присматривали за дочками, вместе стирали на реке, ждали мужей с охоты. И дочки им во всём помогали и тоже дружили. А женщин звали Валя и Маня, а дочек звали Люся и Люда и были они молодыми девушками.

Но однажды летним вечером, когда молодые и неженатые парни и девки собираются чтобы петь песни и гулять в свои игры заспорили Люся и Люда кто из них лучше поёт. Много раз они пели разные песни и каждый раз, другие парни и девки не могли решить, кто же из них лучше поёт.

Начали спорит и так заспорили, что разругались и разо-

шлись. И с того вечера пошло плохо дело у парней и девок. Соберутся они гулять и веселится, начнут песни петь и опять спор у них, кто лучше поёт – Люся или Люда. Парни станут в споре помогать и до драки дело доходит. В конце концов совсем плохо дело стало: разделились парни и девки на две компании, но гулять у них не получается, потому что песни не для души поют, а чтобы другим показать, что они эту же песню лучше поют. И опять у них спор между девок начинается и дракой парней заканчивается.

Узнал про такие гулянки старейшина рода, позвал к себе Петра и Павла и сказал: «Вот тебе Пётр моя плётка, когда придёт с гулянки твоя дочь, спроси у ней – был ли спор и ругань среди молодёжи. И если скажет, что был-скажи ей, чтобы перестала она спорить и ругаться, а для закрепления своих слов побей её плёткой. А потом отдай плётку Павлу и ты, Павел так же сделай. Плётка моя волшебная, она чудеса делать может».

Но не послушались мужики старейшину своего рода и не стали так делать. Пожалели своих дочек. А дочери встретились вечером на гулянке и одна стала придумывать и рассказывать, что слышала, как отец – сосед учил свою дочку плёткой и как она хорошо при этом пела. Другой обидно стало начала она ругаться и даже подрались уже две девки, бывшие подруги. А на следующий день на речке при стирке поспорились и разругались их матери Валя и Маня- у кого белё чище, и кто из них лучшая хозяйка.

А на следующий день уж мальчишки- Ваня и Вася стали спорить, чей щенок сильнее и так заспорили, что сначала щенки подрались, а потом и мальчишки. И совсем плохая жизнь в селении началась. Женщины, парни и девки, девчонки и мальчишки только и делают, что ссорятся и ругаются, а иногда и до драки доходит. Одни за одних, другие за других и опять все разделились, начинают сначала обсуждать, потом спорить, ругаться и всё заканчивается дракой. Мужики пока в это дело не вступают- они делом занимаются. Но старейшина рода вызвал к себе Валю и Маню, выслушал и дал лекарства от ссор и ругани и сказал: «Вот тебе Валя лекарство и вот тебе плётка, примешь немного лекарства и скажешь мужу, чтобы тебя полупил плёткой – она волшебная и без этого лекарство не поможет. А потом дашь плётку Мане – и ты так же Маня, сделай – прими немного лекарства и пусть тебя муж ей полупит, чтобы оно действовать стала. Но опять не послушались женщины, лекарства съели всё и каждая вечером покричала и громко поплакала, чтобы все вокруг слышали и думали, что муж её плёткой лупит. Лекарство не помогло и ругань в селении продолжалась.

Только потом обе женщины заболели тяжёлой болезнью и так заболели, что обе слегли. Болеют и не до ругани им.

И в селении понемногу стали ссоры затихать – беда пришла к людям, страшная и непонятная болезнь.

Все лекарства пробовали – ничего не помогает, разных знахарей приглашали – не помогает. И уже спорить перестали, чьё лекарство лучше. Боятся, что сами заболеть смогут. Но жизнь в селении ещё хуже стала – все ждут, когда смерть в селение придёт и скольких она с собой уведёт. Никто песен

ни поёт, громко не говорит. А Вале и Мане всё хуже и хуже, уже родных не узнают и день с ночью путают.

Пришли Пётр и Павел к старейшине рода и просят помощи. Рассказали ему всё: и как первый раз его обманули – дочек плёткой не стегали и как второй раз – жены только кричали и громко плакали, а они их тоже плёткой не били – пожалели. Пообещали слушаться старейшину рода и всё сделать как он скажет – только пусть вылечит Валу и Маню.

Тогда тот велел им отправить в тайгу сыновей – Ваню и Васю, объяснил где взять мёд диких пчёл и принести ему для приготовления лекарства.

Предупредил, что мёд для матерей должны добыть сыновья сами и вместе, принести его ему должны сами и тоже вместе иначе чуда не произойдёт, старейшина помочь не сможет. Пообещали мужики всё в точности исполнить.

Отправили сыновей Васю и Ваню в тайгу вместе, объяснили, где гнездо диких пчёл и сели ждать. Вернулись сыновья из тайги и каждый совсем чуть –чуть принёс мёда. Плачут, жалуются мальчишки- только начали гнездо раскапывать и до мёда добрались – налетели злые дикие пчёлы и начали их больно кусать, терпеть невозможно. Медведь в шубе и тот от них убегает. Но делать нечего – пошли к старейшине. Посмотрел тот на мальчишек, стоят врозь, злые, пчёлами покусанные, друг на друга не глядят. И отправил их опять за мёдом.

Дали Пётр и Павел сыновьям шкуры звериные, научили

как в них кутаться, отправили в тайгу и сели ждать. А сами задумались.

Вернулись сыновья, ещё меньше мёда принесли. Опять жалуются – в шкурах жарко, плохо видно, они мешают друг другу раскапывать гнездо, толкаются. Да и сами пчёлы ещё злее стали, ещё большее кусаются. Сил нет терпеть. Отправили Ваню и Васю к старейшине, а сами стали думу думать.

Посмотрел старейшина на мальчишек – стоят врозь, злые, пчёлами покусанные, вспотевшие.

Друг на друга не смотрят, мёда принесли ещё меньше. И опять их в тайгу отправил.

Но теперь в дело вмешались отцы. Они сходили к старейшине и взяли у него плётку.

Затем научили мальчишек как пользоваться дымом и объяснили, что мёд надо добывать вдвоём, один разгоняет пчёл дымом, а другой раскапывает гнездо. А потом наоборот. И строго – настрого наказали, что делать надо именно так. А для того, чтобы Ваня и Вася их хорошо поняли – показали плётку и дали попробовать её в действии. Отправили сыновей в тайгу и стали ждать.

Сыновья всё исполнили как их научили отцы. Пока Ваня раскапывал гнездо, Вася разгонял пчёл дымом, старался, укусы терпел – понимал, что надо Ваню от пчёл оберегать, иначе мёда не будет и про плётку помнил. А потом Вася копал, а Ваня пчёл дымом разгонял. Дружно они работали, много мёда добыли и мало укусов перетерпели. Мёд объеди-

нили и вместе с отцами к старейшине пошли. Тот смотрит, мёда много, стоят мальчишки рядом, улыбаются довольные. Похвалил их и домой к матерям отправил.

А Пётр и Павел плётку хвалить стали как волшебную. И тогда сказал им старейшина рода: «Скоро ваши жены будут живы – здоровы. А вам каждому советую такие плётки в избе на видном месте повесить. И чудо произойдёт – ни жёны, ни ваши дети ссорится и ругаться больше не будут.» Так мужики и сделали. И не только Пётр и Павел, но и другие. И с той поры шорцы из рода священного белого лося забыли, что такое ссоры и ругань.

Взрослые помнили про волшебную плётку и своим детям рассказывали про неё уже как сказку. Все про неё знали и не забывали – ведь в каждой избе на видном месте висела своя волшебная плётка.

Священная клятва

В одном большом шорском селении, стоящим на берегу Кодомы жили парень по имени Коля и девушка по имени Шура. И крепко полюбили они друг – друга, настолько крепко, что решили пожениться и дальше по жизни идти вдвоём. И поклялись Коля и Шура в вечной верности, а чтоб клятва нерушимой давали они её призывая в свидетели всех шорских богов. И обращаясь к ним просили дать им силы выполнить эту клятву и жестоко покарать того, кто её нарушит. Но однажды летом собрался Коля в тайгу на охоту. Стала его мать отговаривать – нельзя этого делать, летом зверь и птица плодятся, деток растят, люди ругать будут Колю, а боги могут рассердиться и покарать. Но Коля ответил матери, что люди ничего не увидят и не узнают. А богам он такую клятву не давал – летом зверя не трогать. И тайно, поздним вечером ушёл в тайгу за зверем. Но вместо зверя встретил в тайге много маленьких и злых мошек, которые напали на него, всего искусали и заболел Коля от этого тяжёлой болезнью. Совсем плохо ему было, день с ночью путал и бросало его то в жар, то в холод, наверное, вскоре бы умер. Только верный пёс «Ветка» рядом был. Умная собака – когда хозяйина в жар бросало, бежала она к речке, в воду залезала и потом мокрая к Коле.

А когда дрожал от холода хозяин – она его своим телом

согревала. Так и выжил Коля. Но плохо у него с головой стало. Совсем память пропала.

Не помнил он откуда он пришёл и куда идти надо, кто отец и мать его, и как его самого звать не помнил. Всё забыл. По реке на плоту спустился до чужого шорского селения и там к людям вернулся. Старейшине селения рассказал про себя, что смог – совсем мало рассказал, знахарь селения его лечить стал – стало Коле лучше. Но память не вернулась. И остался он жить в этом селении. Один живёт Коля – жениться не может, никто не знает какой он человек, чей его род, может совсем худого он племени. Не хотят девки – невесты за него замуж идти, опасаются. Все в селении к Коле присматриваются, чужак он для всех. Плохо Коле живётся – вроде среди людей, но как один. И Шуре плохо живётся. Ждёт она его возвращения из тайги. Уже и мать, и подруги ей говорят, что не вернётся Коля, что надо ей за другого замуж выходить, детей заводить, своей жизнью жить и забыть про Колю. Но не слушает мать и подруг Шура, ждёт Колю и данную перед богами клятву помнит. Оставил ей Коля щенка от своей собаки «Ветки» – как увидит она щенка, так и вспомнит Колю, его вспомнит – и клятву вспомнит. Слово, данное ему одному верной быть забыть не может. Уже и щенок в хорошую собаку вырос и времени много прошло – не знает, как быть Шура, уже и парни свататься перестали. И из других селений женихи к ней не идут – вся округа знает, что Колю она ждёт. Но плохо ей, по ночам она плачет,

а пёс ей подвывает.

Долго так продолжалось.

Но люди в чужом селении увидели, что хороший охотник и рыбак Коля, что плохого в нем ничего нет, и стали на него девки – невесты заглядываться. Дочка старейшины селения с отцом о Коле говорила, и сама Коле сказала, что пойдёт замуж за него. Коля со старейшиной поговорил и тот пока своё согласие не дал. А всем людям с селения велел о Коле везде рассказывать. Встретят на рыбалке или охоте с другого селения людей – рассказывают о Коле, те тоже о Коле другим рассказывают.

А у Шуры жизнь совсем плохая, у её подруг уже дети растут. Встретит она их, порадует за них, а потом горько плачет. Прошло её время – замуж никто не взял, жить ей дальше одной, горевать. И пёс верный рядом с ней тоже горюет, сильный он и смелый, в тайгу, на охоту хочет. И решила Шура охотой заняться, пушнину промышлять, в тайге и на реке больше времени проводить, плохо ей в селении. Так стала Шура охотником.

Верный и умный пёс стал ей хорошо помогать и хорошо у них дела пошли. Скоро о Шуре и её собаки по тайге среди охотников разговоры пошли. Стали её охотники уважать и с ней все старались дружбу вести. Встретит она в тайге незнакомого охотника, вместе у костра посидят, чай попьют, покурят, о жизни поговорят. И однажды услышала она от незнакомого охотника про Колю. Обрадовалась, сначала

что живой он, а затем ещё больше затосковала. Что делать теперь, как быть? Вдруг у него своя семья и жена есть. Но о священной клятве вспомнила и решила Колю в тайге встретить.

С той поры стала ещё больше и дольше в тайге бывать и при встрече с охотниками про себя рассказывать. И Коле кто-то про Шуру рассказал, мол есть такая толковая женщина, которая как мужчина – охотник одна живёт, потому, что любимый её в тайге на охоте пропал. И вначале очень удивился, а потом крепко задумался. И чем больше думал, тем больше вспоминал. А когда все вспомнил, то понял, как теперь жить надо. Священная клятва богам данная и слово его Шуру данное верность ей хранить вернули ему смысл жизни.

В селении он сходил к старейшине и рассказал ему про то, что всё вспомнил. Про Шуру и про священную клятву, перед богами данную и про слова о верности их взаимной. Всё понял старейшина и дочери объяснил, что должен Коля священную клятву соблюдать потому как даётся такая клятва очень и очень редко, может раз в жизни, нарушать её нельзя – боги могут весь род покарать.

И стали с той поры Коля и Шура искать в тайге встречи друг с другом. Уже все охотники про них знали и про них говорили и все им хотели помочь. Но тайга большая, дорог нет, зверь по своим тропам ходит, а охотник с собакой за ним. Встретит иногда Коля незнакомого охотника, у костра сидят – тот ему про Шуру расскажет, что встречал её недавно,

и что ищет она его. А потом и Шуре в беседе у костра про Колю расскажут. Знает она, что он её ищет, и он знает, что она его тоже ищет, а встретится не могут.

И однажды пропал на охоте у Шуры пёс и у Коли его «Ветка» пропала. Стали они искать своих собак. Долго искали, звали – звали, но так и не нашли.

Не может такое быть, чтобы опытная и умелая лайка в тайге потерялась, так думал Коля и сел чаёвничать. К костру подойти должна «Ветка». И правда, через небольшое время,

смотрит Коля идут к нему две лайки. Одна – его «Ветка» и другой пёс, чужой, крупный и на неё похожий. Сначала ничего не понял Коля, а потом вспомнил, что оставлял он Шуру щенка от «Ветки». Вот это и есть этот щенок, только вырос он уже.

Понял Коля, что и Шура где – то недалеко должна быть. Стал звать её. А Шура тоже у костра чай пила, услышала, что кто – то зовёт её. Сначала удивилась, а потом поняла кто её в тайге искать может. И радость такая её охватила, что вмиг ослабела она, долго она этой встречи ждала, мечтала о ней, а тут сил от радости нет, чтобы ответить. Сидит у костра и плачет. Выбежали к ней собаки. Узнала «Ветка» Шуру, вспомнила и громко лаять стала. И пёс лаять стал от радости, что нашёл хозяйку. На этот радостный и громкий лай Коля и вышел. Тут они с Шурой и встретились.

А во многих шорских селениях во всей Горной Шории до сих пор про них детям рассказывают.

Учат, что священную клятву перед богами надо давать очень и очень редко потому, что обещание надо исполнять, как бы трудно и тяжело не было этого делать.

И забывать про своё данное слово нельзя, иначе боги могут весь род покарать. А если будешь стараться его выполнить как бы тяжело тебе это не было, то они рано или поздно, но на помощь придут.

Информация об иллюстрациях.

Все иллюстрации найдены в Гугле, с лицензией на использование и изменение.

Прошли проверку на уникальность (сайт TinEye).

Все были из цветных переделаны в чёрно-белые с помощью IMGonline.com.ua.

Все изменения в размерах были сделаны с помощью IMGonline.com.ua.

У книги есть номер

ISBN: 9785449835734